

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ASSOCIATES PROGRAM

In grateful recognition
of

Isaac E. Druker
Class of 1958

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХ.

1892.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
Д. И. Вагалѣй. Магдебургское право въ гѣвобережной Малороссіи.	1
Ф. П. Кенпенъ. Замятка, касающаяся исторіи арабскихъ цифръ .	56
В. И. Модестовъ. Ученая жизнь въ Римѣ.	84
А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патриархѣ Константинопольскомъ	121

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Веселовскій. Ф. Батюшковъ. Споръ души съ тѣломъ въ па- мятникахъ средневѣковой литературы. С.-Пб. 1891	149
Н. Д. Чечулинъ. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. М. 1891	170
А. С. Лебедевъ. Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Дм. Цытаева. Москва. 1890.	175
Н. П. Павловъ-Сильванскій. Пропозиція Федора Самтыкова. Ру- копись изъ собранія П. И. Тиханова. С.-Пб. 1891	228
Ф. Ф. Звъинскій. Культъ Кавировъ въ древней Греціи. Н. И. Но- восадскаго. Варшава. 1891	248
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. С.-Пб. 1892	272
— Книжныя новости	276
— Наша учебная литература (разборъ 7 книгъ)	1

ООВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Среднія и низшія школы въ Кіевскомъ учебномъ округѣ въ 1890 году (продолженіе)	1
---	---

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Н. Н. Ланге „Первая аналитика“ Аристотеля (продолженіе)	81
Г. Г. Вульфійусъ. Александрійскіе этюды.	104
Ф. Г. Мищенко. Къ Полюбію (продолженіе)	125
Ф. В. В—ъ. Изъ Горачія	135

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики (продолженіе)	81
--	----

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го марта).

МАГДЕБУРГСКОЕ ПРАВО ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ МАЛОРОССІИ.

Настоящая статья заключаетъ въ себѣ двѣ главы изъ изслѣдованія о магдебургскомъ правѣ въ Лѣвобережной Малороссіи (въ XVI—XVIII вѣкахъ). Почти вся она основывается на не изданныхъ матеріалахъ, извлеченныхъ авторомъ изъ Харьковского историческаго архива, бібліотеки покойнаго проф. А. Ѳ. Кистяковскаго и отчасти изъ московскихъ хранилищъ. На нее нужно смотрѣть, какъ на дополненіе къ извѣстнымъ изслѣдованіямъ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова („Нѣмецкое право въ Польшѣ, Литвѣ и Юго-Западной Руси“) и проф. В. В. Антоновича („Акты о городахъ Юго-Западной Россіи“).

Глава 1-я. Магдебургское право въ Лѣвобережной Малороссіи при польскомъ владычествѣ.

Стародревняя Сѣверская земля, позже Лѣвобережная Малороссія въ половинѣ XIV вѣка потеряла свою политическую самостоятельность и перешла при Ольгердѣ подъ власть Литвы. Но, будучи расположена на рубежѣ двухъ сильныхъ государствъ—Московского и Литовскаго, она постоянно переходила отъ одного къ другому. Еще въ древнѣйшій періодъ своего историческаго существованія (до-татарскій) она распалась на двѣ части, сѣверную и южную; самыми важными городами въ первой были Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Стародубъ; центральное мѣсто въ южной занималъ Переяславъ. Татарское нашествіе нанесло тяжелый ударъ Сѣверщицѣ. Всѣ прежніе городскіе центры ея потеряли свое политическое значеніе; въ особенности запустѣла ея южная украина—Посулье: тамъ явилась необходимость въ новой и при томъ интенсивной колонизаціи. Новые города возникли здѣсь на старыхъ городищахъ; таковы были Пере-

яславъ, Полтава, Лубны, Прилуки и другіе. Старинное дѣленіе Сѣверщины на двѣ области, сѣверную и южную, нашло себѣ мѣсто и въ болѣе новый періодъ ея исторіи: прежняя Черниговщина и Сѣверщина стали потомъ называться *городами*, а Переяславщина *полями*; первая образовала особый административный округъ — Черниговское воеводство, распадавшееся на два повѣта — Черниговскій и Новгородъ-Сѣверскій, а вторая — Переяславское староство ¹⁾; что касается Стародубовщины, то она составила особое Стародубское староство. Сѣверная Малороссія дѣйствительно изобиловала городами сравнительно съ южной; тамъ мы находимъ, напримѣръ, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Стародубъ, Нѣжинъ, Погаръ (Старый Радегонецъ), Мглинъ, Почопъ, Остеръ, Любечъ. Южная Украина въ противоположность этому была усѣяна слободами, изъ которыхъ только нѣкоторыя впоследствии обратились въ города.

Польское правительство постоянно старалось удержать за собою чернигово-сѣверскіе города. Воспользовавшись смутнымъ временемъ въ Московскомъ государствѣ, оно отторгло эти старыя русскія земли и удержало ихъ за собою до возстанія Богдана Хмельницкаго. Эти пограничные города имѣли въ глазахъ его важное стратегическое значеніе, и потому оно рѣшило привлечь къ себѣ симпатіи мѣстнаго населенія разными льготами и преимуществами. Обычною формою этихъ привилегій являлось магдебургское право, получившее давно уже широкое распространеніе въ предѣлахъ Польши, Литвы и Юго-Западной Руси. И дѣйствительно, важнѣйшіе города Лѣвобережной Украины получили жалованныя грамоты на магдебургское право въ царствованіе Сигизмунда III-го, Яна Казимира и Владислава IV-го — Черниговъ, Стародубъ, Нѣжинъ.

Но раньше всѣхъ получилъ магдебургское право Переяславъ, конечно, потому, что служилъ оплотомъ польско-шляхетской колонизаціи плодородныхъ, но пустыхъ земель нынѣшней Полтавщины. Жалованная грамота на магдебургію была выдана ему еще Стефаномъ Баторіемъ въ 1585 году ²⁾. Переяславъ въ это время принадлежалъ частному лицу — кіевскому воеводѣ кн. Константину Константиновичу.

¹⁾ Впрочемъ, нѣкоторые селенія ея тянули еще къ Каплевскому и Черкасскому староствамъ.

²⁾ Грамоту эту мы удалось найти въ актахъ Литовской Метрики, хранищейся нынѣ въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. См. Лит. Метрика, № $\frac{1}{26-27}$, 308, стр. 377—380.

Острожскому, и грамота была написана на его имя. На Украинѣ за Днѣпромъ, говоритъ король, находится пустое мѣсто—городище Переяславъ; его то со всѣми грунтами, городищами, селищами, водами, лѣсами и всякими пожитками мы утверждаемъ въ старыхъ границахъ, какъ держали его паны отчизны, за кн. Острожскимъ; онъ можетъ устраивать здѣсь города и села и населять ихъ людьми, которые будутъ пользоваться свободно своимъ имуществомъ; тѣмъ же изъ нихъ, которые будутъ имѣть осѣдлость въ самомъ замкѣ и городѣ Переяславѣ, предоставляется нѣмецкое магдебургское право со всѣми его вольностями и порядками. Въ городѣ учреждается 2 базара (еженедѣльно) и 3 ярмарки (ежегодно); поселенцамъ и прїѣзжимъ купцамъ разрѣшается свободная торговля и продажа въ корчмахъ вина. Своимъ слобожанамъ кн. Острожскій можетъ давать льготы на 30 лѣтъ, въ виду чего подданные его освобождаются на это время отъ всякихъ повинностей. Вся эта территория отдается кн. Острожскому, потому что самъ онъ лично сдѣлалъ значительныя затраты, построивъ замки на украинныхъ пустынныхъ мѣстахъ, на татарскихъ шляхахъ, куда обыкновенно „безвѣстно“ приходили татары. Таково содержаніе приписки Стефана Баторія.

Отмѣтимъ въ немъ нѣкоторыя характеристическія черты. Любопытно, что магдебургское право дается здѣсь *новому* городу, и при томъ основанному частнымъ лицомъ. Правительство сознаетъ громадное значеніе обороны и заселенія своихъ украинскихъ пустынь и готово оказывать всяческое содѣйствіе такимъ лицамъ, которыя устроивали города и селенія. И расчетъ его былъ вѣренъ: ничего не теряя, оно пріобрѣтало въ будущемъ и оборонительную линію противъ татаръ, и новыя заселенныя территории вмѣсто прежнихъ пустынь. Частные владѣльцы, конечно, ничего не теряли, предоставляли льготы своимъ слобожанамъ; владѣлецъ этихъ полтавскихъ пустынь кн. Вишневецкій въ XVII вѣкѣ, какъ извѣстно, получалъ значительные доходы съ „господарей“ (то-есть, хозяевъ), обитавшихъ въ различныхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ этой области. Документъ нашъ не опредѣляетъ подробностей того новаго строя, который привносился магдебургскимъ правомъ, быть можетъ, потому, что форма самоуправленія должна была согласоваться съ видами и желаніями самого владѣльца, кн. Острожскаго. Право свободной торговли и ярмарокъ явилось едва ли не самой существенною привилегіей для обывателей г. Переяслава. Благодаря ему, должно было рости экономическое значеніе города среди всей окружающей его территоріи. Эта послѣдняя на-

ходила въ это время еще въ тѣсной связи со своимъ центромъ: въ грамотѣ прямо говорится, что къ Переяславу тянется вся округа. Да и могло ли быть иначе, когда городское населеніе набиралось обыкновенно изъ тѣхъ же элементовъ, что и сельское; доступъ въ городъ былъ свободный; рѣзкой разницы между тѣми и другими не было; мѣщане не обособились окончательно отъ другихъ группъ населенія; но продолжаться долго такъ не могло: магдебургское право, по самому существу своему, вносило обособленіе туда, гдѣ раньше его не было; этой участи не могли избѣжать, какъ увидимъ далѣе, переяславскіе мѣщане.

Въ XVII вѣкѣ населеніе малороссійскихъ городовъ: Чернигова, Пѣжина, Стародуба и Переяслава, пользуется особыми правами и представляетъ отдѣльную группу въ тогдашнемъ обществѣ. Въ моемъ распоряженіи имѣются жалованшья грамоты на магдебургское право веѣмъ этимъ городамъ ¹⁾; основываясь на нихъ, я попытаюсь сдѣлать общую характеристику городского самоуправления въ Лѣвобережной Малороссіи въ первой половинѣ XVII вѣка. Магдебургское право дано было городамъ подѣ влияніемъ соображеній экономическаго характера: правительство такимъ путемъ рассчитывало вызвать увеличеніе числа городскихъ жителей вообще и купцовъ и ремесленниковъ въ частности. Сущность новаго порядка вещей заключалась въ томъ, что разнаго званія городскіе обыватели (мѣщане, купцы, ремесленники, шинкари, перекупцы и т. п.) освобождались отъ всякаго инаго присуда и подвергались исключительно дѣйствию нѣмецкаго городского права. Мало того: городскому войту и магистрату подвѣдомственны были не одни мѣстные городскіе обыватели, а также и пріѣзжіе изъ другихъ городовъ; они немедленно по пріѣздѣ должны были доводить до свѣдѣнія городского уряда о своемъ прибытіи и складывать товары въ городскомъ гостиномъ дворѣ. Нѣмецкое городское право распространялось не только на лицъ, но и на имущества

¹⁾ Въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ, въ дѣлахъ Малороссійской коллегіи, сохранилось нѣсколько систематическихъ сборниковъ офиціальнаго происхожденія, заключающихъ въ себѣ полныя серіи жалованныхъ грамотъ малороссійскимъ городамъ — Чернигову, Пѣжину, Стародубу, Новгородъ-Сѣверску, Ногару, Почену, Мглину и Подтаві; отсюда мы и извлекли жалованшья грамоты, данныя польскими королями; жалованная грамота Стародубу 1620 г. напечатана, кромѣ того, въ „Обзор. Рум. оп. Малороссіи“, а 1625 г.—найдена мною въ актахъ Литовской Метрики и напечатана въ приложеніи къ рецензіи на сочиненіе А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи“.

и промыслы. Это прямо, категорически выражено въ грамотахъ. Если бы какой либо шляхтичь или служилый человекъ, говоритъ тамъ, приобрѣлъ себѣ домъ, землю, огородъ или сталъ заниматься торговлей, ремеслами и промыслами, то онъ долженъ находится подъ вѣдѣніемъ магистрата и нести все городскія повинности. Такова была сфера вѣдомства магистратскаго уряда; она распространялась и на другія группы населенія, разъ онѣ причислялись за такія занятія, которыя уже сдѣлались исключительною принадлежностью мѣщанскаго сословія и служили его основнымъ характернымъ признакомъ. Правительство усвоило себѣ взглядъ, что промыслами, ремеслами и торговлею могутъ заниматься только мѣщане, и старалось выдѣлать ихъ въ особую юрисдикцію. Такой взглядъ господствовалъ тогда въ Западной Европѣ; на немъ покоился весь строй средневѣковой жизни, весь социально-экономическій ея бытъ. Онъ нашелъ себѣ выраженіе и въ законодательномъ памятникѣ литовско-русскаго права — Литовскомъ статутѣ, относящемся еще къ XVI вѣку: тамъ шляхтичу запрещается мѣщанскія занятія.

Но этотъ именно пунктъ на практикѣ, въ жизни, долженъ былъ встрѣтить наибольшія затрудненія. Шляхетство, свысока смотрѣвшее на мѣщанъ, не пользовавшихся политическимъ значеніемъ въ государствѣ, едва ли охотно могло подчиняться городскому уряду. Обь организаціи городского самоуправления грамоты даютъ намъ не особенно много свѣдѣній. Во главѣ управленія стоялъ войтъ. Способъ назначенія войты былъ не вездѣ одинаковъ. Въ Черниговѣ, на примѣръ, Сигизмундъ III-й на первый разъ назначилъ *пожизненнымъ* войтомъ Яна Кушовскаго, а затѣмъ, по грамотѣ 1623 г., дальнѣйшее назначеніе должно было зависѣть отъ короля, который изьявлялъ намѣреніе выбирать на эту должность *только католикомъ*. Въ Пѣзингѣ первымъ и вѣстѣ съ тѣмъ пожизненнымъ войтомъ былъ назначенъ королемъ пѣжинскій и новгородъ-сѣверскій капитанъ и хорунжій; преемниковъ ему долженъ былъ назначать король, и при томъ уже изъ *мѣщанъ* католическаго или православнаго обряда безразлично. Изъ Стародубѣ грамотою 1620 года разрѣшалось мѣщанамъ выбрать войты изъ собственной среды, и только требовалось утвержденіе его въ должности королемъ. Но грамота 1625 г. значительно измѣнила этотъ порядокъ вещей: власть войты перестала быть выборною; войтомъ обязательно долженъ былъ быть мѣстный староста (католикъ); мотивировалось это нововведеніе тѣмъ, что при разной юрисдикціи (то-есть, при существованіи двухъ отдѣльныхъ властей — военной и гражда-

ской) оборона замка не могла бы выполняться удовлетворительно. Въ Переяславѣ мѣщане получили право сами выбирать себѣ войта, котораго потомъ только утверждалъ въ должности король ¹⁾).

Бурмистры, радцы и лавники должны были избираться изъ среды посполства, изъ людей добрыхъ и свѣдущихъ въ магдебургскомъ правѣ, но въ Стародубѣ, по грамотѣ 1625 г., обязательно изъ католиковъ или униатовъ, а въ Черниговѣ и Нѣжинѣ — изъ католиковъ или православныхъ ²⁾). Въ первый разъ выборы урядниковъ производилъ войтъ съ посполствомъ, а потомъ войтъ, урядники и посполство; происходили они въ канунъ новаго года (католическаго). До выборовъ и назначенія войта руководящая роль принадлежала такъ называемому ревизору, который отводилъ городу землю (формальное опредѣленіе городской черты было первымъ и важнѣйшимъ актомъ городской жизни); разъ урядники были выбраны и принесли установленную присягу, ревизоръ передавалъ имъ власть и самъ сходилъ со сцены.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что центральное правительство желало сохранить за собою высшее руководство въ дѣлѣ управленія малороссійскихъ городовъ; очевидно, оно не вполне довѣряло мѣстному русскому населенію и старалось опереться на католицизмъ, никогда не чуждавшійся политическихъ интересовъ. Но этимъ оно, несомнѣнно, нарушало принципъ религиозной свободы и терпимости и вмѣстѣ съ тѣмъ подрывало и идею свободы выборовъ: огромное большинство городского населенія, можно даже сказать, *все* мѣщанство исповѣдывало православную вѣру, а между тѣмъ своимъ представителемъ, войтомъ, должно было иногда выбирать католика. Кроме того, назначая войтомъ старосту (какъ это было въ Стародубѣ), правительство впадало въ полное противорѣчіе съ самимъ собою: оно устраивало то *смѣшеніе* военной и гражданской власти, которое должно было уничтожать магдебургское право; это послѣднее прямо стремилось къ *отдѣленію* гражданского уряда отъ военнаго.

¹⁾ „По отшествіи нынѣшняго или впредь будущаго войта,—говорится въ привилегіи Владислава IV-го 1688 г.,—имъ самимъ вольно будетъ наследника избирати челоуѣка на тотъ урядъ вѣдомаго и въ правѣ искуснаго, а мы тѣмъ образомъ отъ нихъ обраннаго подтвердити и правомъ нашимъ надати должны будемъ.“ (А. Ю. З. Р., III, 526).

²⁾ Въ текстѣ говорится: „katolyckiego rzumskiego u guskiego nabozenstwa“, и мы разумѣемъ здѣсь православную вѣру; но составители грамоты могли имѣть въ виду и униатовъ.

О функціяхъ городскихъ урядниковъ грамоты распространяются мало, и это, конечно, потому что онѣ, вопервыхъ, были точно обозначены въ другихъ источникахъ — Саксонскомъ Зерцалѣ, Порядкѣ и т. д., а, во вторыхъ, правительство не считало нужнымъ вмѣшиваться во внутреннее устройство городовъ. Предѣлы власти городского уряда подробнѣе всего опредѣляются въ жалованной грамотѣ Переяславу (1620 г.). Войтъ съ лавниками и бурмистръ съ райцами могли судить не только своихъ мѣщанъ, но и прїѣзжихъ купцовъ въ ихъ спорахъ и столкновеніяхъ съ мѣстными обывателями, и при томъ даже въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ (увѣчи, насиліи, убійствѣ и т. п.). Магистратъ имѣлъ „правныя“ книги, коробку или „скриньку“ для храненія денегъ и печать съ городскимъ гербомъ¹⁾. Судопроизводство должно было происходить на основаніи магдебургскаго права по образцу другихъ городовъ. Официальнымъ языкомъ судебныхъ бумагъ въ Черниговѣ и Нѣжинѣ долженъ былъ быть польскій діалектъ, а въ Стародубѣ (по грамотѣ 1625 г.) въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ польскій, а потомъ латинскій.

Относительно *апелляцій* мы также замѣчаемъ нѣкоторое разнообразіе. Въ Переяславѣ апеллировать, по согласію сторонъ, можно было прежде всего къ старостѣ, а потомъ уже къ королю. Въ Нѣжинѣ, по грамотѣ 1625 г., была назначена еще одна промежуточная инстанція — судъ королевича Владислава, бывшаго, какъ извѣстно, администраторомъ сѣверскихъ замковъ, отнятыхъ въ это время отъ Москвы. Въ другихъ городахъ, подобно Киеву, апеллировать на рѣшеніе войтовскаго, лавничьяго или бурмистерскаго суда можно было прямо къ королю, но только въ искахъ, превышающихъ 50 злотыхъ.

Къ сожалѣнію, грамоты не опредѣляютъ намъ точнымъ образомъ сферы и характера городского суда; наглядное понятіе о немъ могли бы дать самыя судебныя рѣшенія; но мы не имѣемъ ихъ въ своемъ распоряженіи²⁾. А priori же можно предполагать, что они мало чѣмъ

¹⁾ На черниговскомъ гербѣ изображенъ былъ св. Владиславъ съ красною корушкою, на Стародубскомъ — дубъ съ орлинымъ гнѣздомъ; на Переяславскомъ — башня на озерѣ съ крестомъ; на Нѣжинскомъ — св. Георгій на конѣ въ полномъ вооруженіи.

²⁾ Нѣсколько такихъ рѣшеній сохранилось (напримѣръ, въ Обзорѣніи Румицельской описи Малороссіи), но ихъ такъ мало, что нельзя сдѣлать никакихъ заключеній. Ждемъ съ нетерпѣніемъ появленія въ свѣтъ рѣшеній Бориспольской ратуши, приготовляемыхъ къ изданію однимъ изъ изслѣдователей южно-русской старины.

отличались отъ тѣхъ магистратскихъ рѣшеній, которыя относятся къ Правобережной Малороссіи и наданы въ „Архивѣ Юго-Западной Россіи“ проф. В. Б. Аптоповичемъ.

Обращаемся теперь къ характеристикѣ экономической стороны городского устройства, которая, наравнѣ съ юридическою, также служила предметомъ особеннаго вниманія королевскихъ привилегій.

Мы уже выше видѣли, что прежде, чѣмъ начинали функционировать новыя городскія учрежденія, города получали въ свое распоряженіе болѣе или менѣе значительную земельную территорію; отводъ земель, проведеніе городской черты являлось какъ бы введеніемъ въ магдебургское право. Эта поземельная собственность служила для города источникомъ обезпеченія и даже доходовъ. Размѣры ея были сравнительно довольно велики. Границы ея опредѣлялись королевскими ревизорами, которые, конечно, главнымъ образомъ руководствовались въ своемъ опредѣленіи старинными межами и заявленіями старожиловъ. Въ Черниговѣ, напримѣръ, „ограниченіе“ городскихъ земель было произведено смоленскимъ подсудкомъ Цѣхановичемъ. Одна часть ихъ должна была отойти на пашню и сѣнокосы обывателей, другая на выгонъ, а третья, наконецъ, на ратушу и городской урядъ. За первые два разряда полагался извѣстный налогъ въ пользу короля (впрочемъ, по истеченіи льготнаго срока); послѣдній же былъ свободенъ отъ него ¹⁾. Кромѣ того, городскіе обыватели пользовались правомъ „възда“ въ Слабинскій боръ, гдѣ могли рубить лѣсъ на постройку жилищъ, и свободной рыбной ловли въ р. Деснѣ на 2 мили вверхъ и внизъ отъ города. На ратушный фольваркъ (хуторъ) отведено было 30 волокъ (то-есть, приблизительно 570 десятинъ), на городской урядъ—36 волокъ (20 на войтовство, 12 на бурмистровъ, 4—на писарей). Въ Стародубѣ собственно городская поземельная собственность была еще болѣе значительна: по грамотѣ 1620 г. на ратушный хуторъ назначено было 2 деревни въ 40 уволокъ, а по грамотѣ 1625 г.—100 уволокъ; на войтовство въ 1620 году—20 уволокъ съ подданными и мельницей, а въ 1625 г.—40, на бурмистровъ—15, на писарей—6. Въ Нѣжинѣ на войтовство полагалось 20 уволокъ, на бурмистровъ—12, на писарей—4, на ратушный хуторъ—30 съ Овдѣвскою мельницею на р. Острѣ.

¹⁾ Чернигову земли была отведена по урочищамъ вокругъ всего города; но при этомъ въ составъ ея могли войти владѣнія духовенства и частныхъ лицъ, и потому они были заранѣе исключены изъ этой окружной межи.

Таково было земельное обезпеченіе городовъ, но земли въ то время было такъ много, что она сама по себѣ не имѣла большой цѣнности и не приносила значительной ренты. Между тѣмъ, городъ долженъ былъ нести различные расходы: давать жалованье городскимъ урядникамъ ¹⁾ и служителямъ, покупать канцелярскія принадлежности и т. п. Вотъ для пополненія этихъ-то расходовъ были введены еще различныя статьи городскихъ налоговъ. Такова была *торговая* пошлина со всякихъ привозныхъ товаровъ — съ лошадей, скота, возовъ, лодокъ, хлѣба, рыбы, сельдей; *вазовое* отъ вѣса, *помѣрное* — отъ мѣры, *мостовое*; доходы — отъ *юстинныхъ дворовъ* (ихъ въ Черниговѣ, напримѣръ, предполагалось выстроить на городской счетъ два—одинъ для московскихъ купцовъ, другой—для иногородныхъ), съ городской *бани*, *рызничихъ лавокъ*, *кирпичнаго завода*, *мельницъ*, *воскобоенъ*, *пивоварень*, *солодовень*, *перевозъ*; наконецъ, въ городскую казну поступалъ *налогъ* (въ нѣсколько грошей) съ купцовъ и ремесленниковъ, сообразно съ ихъ доходами.

Всѣ эти доходы должны были употребляться не на частныя, а на общественныя нужды. Ежегодно отчетъ въ израсходованіи денежныхъ суммъ долженъ былъ даваться передъ войтомъ и всѣмъ польствомъ. На нихъ прежде всего нужно было построить на удобномъ мѣстѣ ратушу съ часами и содержать при ней трубача, затѣмъ гостинный дворъ, баню, лавки и заводы.

Ярмарки и торги, заводимыя въ городахъ, получавшихъ магдебургское право, должны были съ одной стороны способствовать экономическому росту городовъ и обогащать городскую „скриньку“, а съ другой—увеличивать матеріальное благосостояніе каждаго мѣщанина въ отдѣльности. И вотъ, въ Черниговѣ было назначено 3 ярмарки (1-я—въ день Божьяго тѣла, 2-я—св. Симеона, 3-я—трехъ королей), срокомъ каждая по 2 недѣли. Впрочемъ, для огражденія мѣстнаго купечества постановлено было, чтобы пріѣзжіе торговцы продавали свои товары только оптомъ, а не въ раздробь. Въ Стародубѣ была учреждена одна ярмарка на св. Юрія Римскаго, при чемъ доходы съ нея поступали въ городскую казну. Въ Переяславѣ по прежнему было 3 ярмарки, которыя, къ слову сказать, были приурочены теперь къ русскимъ православнымъ праздникамъ.

Мѣщане, какъ сословіе, получили важныя льготы относительно промысловъ и торговли. Всякій мѣщанинъ имѣлъ право свободно ку-

¹⁾ Въ Переяславѣ, напримѣръ, войтъ получалъ 1/3 доходовъ.

рять горѣлку, варить пиво и медъ, дѣлать солодъ и торговать даже привозными винами (мальвазіей), но только вѣрною мѣрою (гарнцемъ или львовскою квартою). Эта привиллегія въ глазахъ городского населенія была самою важною и существенною; за нее оно держалось очень крѣпко и лишилось ея только въ началѣ XIX столѣтія. Но досталась она не даромъ: за нее они вносили извѣстные денежные поборы, размѣры которыхъ были не вездѣ и не всегда одинаковы. Въ Черниговѣ и Нѣжинѣ ежегодно всякій мѣщанинъ уплачивалъ по 2½ злотыхъ *капцитымъ* отъ каждаго нанитка; въ Стародубѣ по грамотѣ 1620 года—по 2 талъра, а по грамотѣ 1625 года—по копѣ литовской и, сверхъ того, съ дома и огорода по 15 грошей и съ каждаго морга земли по 3 гроша литовскихъ; кромѣ того, всѣ мѣщане обязаны были молоть свой хлѣбъ за опредѣленную плату на казенныхъ мельницахъ и доставлять для починки этихъ послѣднихъ рабочихъ (свою челядь) и необходимый матеріалъ (дерево, хворостъ, камень, солому). Впрочемъ, нужно замѣтить, что перелаславскіе обыватели правомъ свободнаго винокуренія не пользовались, и не трудно догадаться почему. Винокуреніе и шинки составляли здѣсь предметъ аренды и были на откупѣ въ рукахъ у евреевъ. Мѣщане могли держать у себя медъ, пиво и другіе напитки, исключая горѣлки. Только городъ, какъ юридическое лицо, имѣлъ право устроить, кромѣ солодовни и пивоварни, и винокурню; такое же право принадлежало и мѣстному старостѣ. Но за то перелаславскіе купцы пользовались такою привиллегіей, какою, повидимому, не имѣли черниговскіе и стародубскіе. Въ качествѣ украинскихъ они были освобождены отъ всякихъ мытъ, исключая заграничныхъ. Они могли свободно ѣздить и сухимъ путемъ, и водою изъ Переласлава въ Литву и Польшу и обратно и *безплатно* покупать и продавать товары.

Магдебургское право, наконецъ, освобождало постепенно названные выше города отъ той зависимости и отъ тѣхъ повинностей, которыя они должны были нести въ пользу старостинскаго замковаго уряда. Власть этого послѣдняго надъ городомъ, получавшимъ магдебургское право замѣтно, хотя и не вездѣ въ одинаковой степени, сокращалась, повинности уменьшались. Черниговскіе и нѣжинскіе мѣщане оказывали „послушаніе“ замковому уряду (исправлять рвы и заборы), но за то освобождены были отъ всѣхъ самыхъ тяжелыхъ натуральныхъ повинностей: подводной, почтовой и сторожевой; только по истеченіи льготнаго срока они обязаны были давать подводы королевскимъ посламъ и голцамъ. Жители г. Переласлава въ 1620 году

не были еще свободны отъ *всѣхъ* натуральныхъ повинностей. Изъ грамоты 1620 года видно, что они возили селитру отъ мѣста ея производства (могилъ въ Переяславщинѣ), гдѣ ее выжигали „дѣловые люди“ и „волостные подданные“ подъ наблюденіемъ приказчиковъ, до Кіева. Освобождены же они были отъ этой тяжелой повинности только въ 1633 году, и то благодаря „своевольнымъ“ казакамъ. Чтобы лучше охранять городъ отъ этихъ послѣднихъ (а они въ это время сильно умножились), мѣщанъ освободили отъ „провоженья селитры до Кіева“.

Военную повинность отбывали жители всѣхъ городовъ, но размѣры ея опять таки имѣли тенденцію сокращаться. Украинные города, естественно, больше нуждались въ защитѣ, и потому обыватели ихъ принимали живѣйшее участіе въ оборонѣ. Такъ было въ Переяславѣ. Переяславскіе мѣщане выступали со своимъ войтомъ на защиту города противъ врага подъ начальствомъ мѣстнаго старосты и четыре раза въ годъ являлись на смотръ. Узнавъ отъ своей сторожи о появленіи врага, они, по стародавнему обычаю, какъ въ большихъ приступахъ, такъ и въ небольшихъ наѣздахъ, выступали на коняхъ со своею городскою хоругвию, на которой изображена была башня съ краснымъ крестомъ на бѣломъ полѣ. Отъ общенія со своевольными казаками они обязаны были всячески уклоняться: не держать ихъ въ своихъ домахъ, не отправлять въ качествѣ лазутчиковъ и т. п. Часть городскихъ доходовъ мѣщане употребляли на покупку пороха, свинца, снарядовъ на постройку и поправку башонъ и т. п. Но грамота 1633 года доставила имъ облегченіе: они освобождены были отъ обязанности являться въ обозъ, а стали участвовать только въ посполитномъ руженѣ. Въ Стародубѣ граждане также покупали себѣ порохъ и разное оружіе, вмѣстѣ съ замковымъ урядомъ заботились объ исправномъ содержаніи валовъ, окоповъ; сторожевой службы они не несли (исключая ближайшей возлѣ самаго города), но за то являлись ежегодно на смотръ передъ городскимъ и замковымъ начальствомъ.

Такое было магдебургское право городовъ лѣвобережной Малороссіи, какъ оно выразилось въ грамотахъ. Основною наиболѣе характерною чертою этого нѣмецкаго городского права на русской почвѣ является желаніе *обособить* мѣщанъ въ отдѣльную замкнутую въ себѣ группу, которая бы представляла изъ себя по возможности самостоятельную единицу и въ социальномъ, и въ экономическомъ отношеніи. Это совпадало со строемъ Рѣчи Посполитой, къ которому послѣ Люблинской уніи должна была приспособляться южная Русь. Каждому сословію, по польскимъ воззрѣніямъ, нужно было заниматься

свойственнымъ ему дѣломъ: шляхта должна владѣть мечемъ и хлопками, духовенство—молиться, мѣщане—заниматься промыслами, торговлею и ремеслами, хлопы—повиноваться своимъ господамъ и обрабатывать ихъ ливы. Но южно-русскому обществу трудно было уложиться въ эти рамки-клеточки: это не гармонировало съ его прошлымъ. Да и сама жизнь нарушала то, что создавалъ законъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ достаточнаго количества данныхъ, чтобы нарисовать обстоятельную картину тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣвали правовыя нормы подъ вліяніемъ жизненныхъ условій. Впрочемъ, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что права мѣщанъ не были *воплотить* гарантированы жалованными королевскими грамотами. Тѣ ограниченія городского самоуправления, которыя имѣли мѣсто въ Правобережной Малороссіи и которыя дали поводъ проф. Владимірскому-Буданову и Антоновичу высказать отрицательное сужденіе о самомъ значеніи магдебургскаго права для малороссійскихъ городовъ, должны были существовать и здѣсь, потому что характеръ управленія и сословный составъ населенія тѣхъ и другихъ городовъ былъ очень похожій. И здѣсь, кромѣ магистратскаго, было еще замковое или старостинское управленіе, отъ котораго въ военномъ отношеніи зависѣли мѣщане. Временное объединеніе войтовской и старостинской власти въ одномъ лицѣ (старосты) въ Стародубѣ должно было отразиться крайне неблагоприятно на самостоятельности городского самоуправления. И здѣсь существовало предное вліяніе религіозной исключительности и даже, пожалуй, въ большей степени, чѣмъ въ какомъ нибудь Львовѣ, если, напримѣръ, стародубскіе *православные* мѣщане обязаны были выбирать себѣ войтомъ исключительно католика или униата. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ настоящаго представительства не было. При томъ въ городахъ, кромѣ мѣщанъ, жили еще шляхтичи, бояре, казаки. Шляхта была свободна отъ всякихъ городскихъ повинностей; казаки, пользуясь неопредѣленностью своего положенія, уклонялись отъ нихъ. Въ Стародубѣ обитала казацкая „корогва“, пользовавшаяся значительными привилегіями ¹⁾. Въ Переяславскомъ староствѣ казаки „засѣли“ въ городскихъ хуторахъ, то-есть, завладѣли ими насильно ²⁾. Разница между ними и мѣщанами въ заня-

¹⁾ См. объ этомъ мою рецензію на книгу А. М. Лазаревскаго: Описание старой Малороссіи (32-й Отчетъ о присужденія Уваровскихъ премій, и отдѣльно).

²⁾ Это видно изъ люстрацій 1615—1616 гг., изданныхъ г. Яблоновскимъ (Lustracye królewsczuzn Ziemi Ruskich, W., 1877. p. 106).

тіяхъ была не велика: и тѣ, и другіе были въ одно и то же время и воинами, и земледѣльцами, и промышленниками ¹⁾). Ихъ, конечно, не легко было (если только это было возможно) заставить нести общегородскія повинности, такъ какъ это была своевольная военная дружина, не желавшая подчиняться въ Переяславѣ даже замковому уряду. Что касается шляхты, то ее еще труднѣе было заставить признать мѣщанскій присудъ, если бы она захотѣла заняться промыслами и торговлею. Наконецъ, въ Переяславѣ былъ еще одинъ уже чужеродный элементъ, который хотѣлъ сдѣлать промышленность и торговлю своимъ исключительнымъ занятіемъ: и разумію *евреевъ*.

Роль евреевъ въ городахъ Правобережной Малороссіи прекрасно выяснена проф. В. В. Антоновичемъ. Къ этому мы можемъ прибавить, что такого же характера явленіе замѣчается и въ Лѣвобережьѣ, именно въ Переяславѣ. Польское правительство и въ особенности польское шляхетство считало евреевъ совершенно необходимымъ для себя общественнымъ элементомъ. Это были посредники между стоящими наверху социальной лѣстницы паннами и подпирающимъ ее посполствомъ. Не довольствуясь хлопами, короли и паны передали въ руки евреевъ и мѣщанъ, о поднятій благосостояніи которыхъ выражали заботы въ своихъ привилегіяхъ: лѣвою рукою они такимъ образомъ уничтожали то, что создавали правою. Переяславскіе мѣщане были освобождены отъ всѣхъ повинностей, исключая военной службы и арендъ. Эти аренды были отданы на откупъ евреямъ и состояли изъ мыта, мельницъ, каплицы и корчмства. Сумма аренды была не велика—равнялась всего 1.500 фл.; но на самомъ дѣлѣ арендаторы взимали несравненно больше и весь остатокъ оставляли въ свою пользу. Мѣщане жаловались „на утѣсненіе жидовское разными обычаи“; по ихъ словамъ, евреи получили прочную осѣдлость въ городѣ, приобрѣли тамъ дома и лавки, забрали въ свои руки едва ли не всю торговлю, захватывали у мѣщанъ земли, загородные дворы, пашни, сѣнокосы, пасѣки, пруды, брали воловъ, коней, продавали неправильною мѣрою горячее вино и т. п. Въ виду всего этого король рѣшилъ послать на ревизію въ Переяславъ своихъ комиссаровъ ²⁾).

¹⁾ Ibidem: „Wsi żadnych do starostwa tego nie masz, prócz futurów, których więcej zasieli kozacy, gdyż ich jest w liczbie więcej, a niżeli poddanych posłusznych jednak mają też i mieszczenie w nich części zwo, ale z nich nie powinni nie prócz służby wojennej“; козаки же, какъ извѣстно, занимались и промыслами.

²⁾ „Чтобъ они какъ селитьбѣ ихъ въ томъ городѣ, такожь и въ правѣ, въ строеніи домовомъ въ мѣстѣ и на земляхъ, есть ли ихъ мѣскихъ или такожь на-

Построивъ себѣ дома на городской землѣ, евреи, тѣмъ не менѣе, не несли городскихъ повинностей. Ясное дѣло, что это ставило ихъ въ очень выгодное положеніе и давало всѣ преимущества въ торгово-промышленной конкуренціи съ мѣщанами. Однимъ словомъ, мы здѣсь наблюдаемъ явленіе, которое проходитъ красною нитью черезъ всю исторію малороссійскихъ городовъ: мѣщане несутъ всевозможныя повинности за право промысловъ, торговли и ремесла, а съ ними конкурируютъ другія общественныя группы, не входящія въ составъ мѣщанскаго общества, не несущія повинностей и живущіе подъ протекціей сильныхъ людей. Переяславское мѣщанство попробовало пойдти по пути мирнаго слиянія съ еврействомъ—приняло ихъ въ свое общество, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ мембръ 1623 года, заключенный еврейскими старшинами отъ имени всѣхъ своихъ единовѣрцевъ съ горожанами. Евреи обязались наравнѣ съ мѣщанами нести всѣ городскія повинности ¹⁾. Это, конечно, разрѣшило юридическую сторону вопроса, но едва ли могло принести существенную помощь въ торгово-промышленной конкуренціи. Здѣсь евреи были сильнѣе христіанъ, благодаря своему кагалному устройству и особенностямъ своей народнои психологіи, выработаннымъ такимъ образомъ подъ влияніемъ историческихъ условій окружающей ихъ среды. Что переяславскіе евреи продолжали свою эксплуатацію, это доказываетъ фактъ страшной ненависти противъ нихъ, разразившейся поголовнымъ истребленіемъ въ возстаніе Богдана Хмельницкаго.

Отсюда видно, что и въ Лѣвобережной Малороссіи магдебургское право не гарантировало мѣщанамъ полнаго самоуправленія и въ особенности экономическаго благосостоянія. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ, мнѣ кажется, впадать здѣсь въ крайности. Частныя злоупотребленія представляли тогда явленіе обычное; мы знаемъ, что и въ Переяс-

---

шихъ королевскихъ, до старства тамошняго лежащихъ, домами и загородными дворянами занятыхъ и что съ нихъ въ торгахъ лавошныхъ податей съ земель, домовъ, съ загородныхъ дворовъ къ пожитку городовому и къ оборонѣ мѣста въ исправленіе явныи сторожи, острогу, подѣляя мѣста, за плотины и пересыни подѣлкою со всѣхъ домовъ и иныхъ пристойныхъ и лежащихъ должностяхъ къ городу и мѣсту и разницу всю разузнали и изровняли или къ намъ на разсмотрѣніе отослали“ (А. Ю. З. Р., III, 522).

¹⁾ Żydowie pereaslawscy będąc przyjęci od mieszczan pereaslawskich do prawa magdeburskiego (jako o tém szerzej przywilej J. K. M—ci) obowiązują się i zapłacują miastu pereaslawu we wszystkich powinnościach i podatkach zarówno z mieszczanami zawsze pociągac, co jest wyrażono w tym membranie (Lustr. Królew.. p. 217).

славѣ старосты и паны захватили въ свои руки не мало городской земли, какъ это видно изъ челобитной переяславскихъ жителей, поданной въ 1654 году Алексѣю Михайловичу. Но тутъ необходимо рѣшить вопросъ, были ли эти злоупотребленія на столько часты и серьезны, что могли нарушить благотворные результаты дѣйствія извѣстнаго закона. Несомнѣнно, что тѣ хартіи, которыя получили малороссійскіе города, предоставили значительныя льготы мѣщанамъ: укрѣпили за ними формально поземельную собственность, доставили свободу промысловъ и торговли, освободили ихъ отъ различныхъ повинностей въ пользу государства и разныхъ присудовъ, сопряженныхъ съ денежными поборами. Все это ставило мѣщанъ *привилегированными* городовъ въ лучшее положеніе сравнительно съ населеніемъ городовъ, не пользовавшихся магдебургскимъ правомъ. Благодѣтельное дѣйствіе новаго порядка вещей должно было сказываться особенно замѣтно въ первое время послѣ его введенія, пока окружающія неблагоприятныя условія не успѣли еще нанести ему съ разныхъ сторонъ чувствительныхъ ударовъ.

Такъ было, на примѣръ, въ Нѣжинѣ и Переяславѣ. Оба эти пункта получили магдебургское право въ моментъ ихъ возрожденія изъ развалинъ; оба они представляли изъ себя до полученія привилегій *городнища*, и самое дарованіе имъ магдебургскаго права вызвано было желаніемъ возродить ихъ изъ пепла и заустѣвнія и вдохнуть въ нихъ новую жизнь. И дальнѣйшая судьба ихъ въ значительной степени оправдала эти надежды. Оба они въ половинѣ XVII вѣка являются довольно населенными пунктами, а Нѣжинъ достигъ даже важнаго торговаго значенія. Черниговъ и Стародубъ хотя и представляли изъ себя старинные городскіе центры (еще княжескаго періода), но считались также въ числѣ новыхъ городовъ, потому что были недавно передъ тѣмъ отобраны отъ Москвы, и правительство Рѣчи Посполитой старалось всячески расположить населеніе ихъ въ свою пользу. Въ нихъ магдебургское право дѣйствовало до возстанія Хмельницкаго не долго, всего какихъ нибудь 20—30 лѣтъ, и потому опять таки не могло еще потерять своего охранительнаго благотѣльнаго значенія. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что всѣ тѣ города, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, находились *на украинѣ*, испытывали большія опасности, чѣмъ центральные, и потому ощущали меньшее давленіе власти, чѣмъ эти послѣдніе. Правда, и мѣщане лѣвобережныхъ малороссійскихъ городовъ не пользовались политическими правами—эти послѣднія были привилегіей одного шляхетства („свѣтскаго и духов-

наго стану“); но за то социальное положеніе ихъ было болѣе обезпечено, тѣмъ положеніе козаковъ и посполитыхъ. Да, мы думаемъ, что правовое положеніе всей массы городского козачества въ 1-й половинѣ XVII вѣка (во время неудачныхъ возстаній преемниковъ Сагайдачнаго) было болѣе тяжелое и безправное, тѣмъ ищандъ¹⁾.

Глава 2-я. Организація городского самоуправленія съ половины XVII вѣка.

Источники, которыми я пользовался въ 1-й главѣ своего изслѣдованія, не отличались особеннымъ разнообразіемъ; это были почти исключительно официальные акты—жалованные грамоты польскихъ королей малороссійскимъ городамъ на магдебургское право. Для послѣдующаго періода въ исторіи малороссійскихъ привилегированныхъ городовъ (съ пол. XVII до конца XVIII в.) мы располагаемъ несравненно большимъ количествомъ данныхъ. Мы можемъ остановиться теперь съ болѣе подробностями на такихъ сторонахъ въ ихъ жизни, которыхъ прежде приходилось касаться только слегка. Вопросъ объ организаціи городского самоуправленія въ польскій періодъ былъ нами замѣченъ слегка по той простой причинѣ, что мы могли пользоваться только матеріаломъ грамотъ. Организація городского самоуправленія въ послѣдующій русскій періодъ будетъ охарактеризована уже несравненно обстоятельнѣе, ибо для такой характеристики, кромѣ жалованныхъ грамотъ, мы имѣемъ еще и другіе источники, а именно: сборники магдебургскаго права, бывшіе въ употребленіи въ малороссійскихъ судахъ, рукописные переводы и передѣлки ихъ, „права, по которымъ судится малороссійскій народъ“, — плодъ кодификаціонной дѣятельности малороссійскихъ юристовъ половины XVIII вѣка, рѣшенія магистратскихъ судовъ и, наконецъ, различнаго рода архивныя *дѣла*, говоряція намъ о томъ, какова была организація городского самоуправленія въ дѣйствительности. Матеріалъ, привлеченный

¹⁾ Въ жалованной грамотѣ г. Нѣжину Сигизмунда III 1625 года мы читаемъ „Городище наше Нѣжинъ, въ княжествѣ Черниговскомъ лежащее, теперь новоселое щастливѣе зъ рукъ неприяТЕЛЬСКИХЪ есть рекуперованное и до панства нашего превращенное мы унагруючи, же тое городище пограничное новоселое Нѣжинъ будучи на мѣстцу оборонномъ въ силахъ не только самыя импеты неприяТЕЛЬСКІЕ адержати, але и границамъ панства нашего короннымъ заслугою бути можетъ, зичимъ того зо всѣхъ мѣръ абы ся яко найлѣпше крѣпило и умножалось и до оцдобы приходило, а за тѣмъ потужнѣше противъ неприяТЕЛЕЙ панства небезпечностямъ оставало, ожебысь мы до его людей приохотили, право майдебургское утвержаемъ“.

нами къ изслѣдованію, какъ видимъ, отличается богатствомъ и разнообразіемъ; но онъ требуетъ предварительнаго анализа и критической разборки: необходимо сопоставлять то, что должно было быть по закону, съ тѣмъ, что было въ дѣйствительной жизни.

Анализируя свои источники съ историографическими цѣлями, мы вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ рѣшать чрезвычайно важный вопросъ о томъ, что служило руководствомъ въ Львовбережной Малороссіи при устройствѣ магистратскаго самоуправленія послѣ 1654 года. Такимъ руководствомъ служили, съ одной стороны, жалованныя грамоты на магдебургское право, а съ другой—сборники нѣмецкаго городского права, ихъ переводы и передѣлки. Къ характеристикѣ тѣхъ и другихъ мы теперь и переходимъ.

Жалованныя грамоты на магдебургское право заключаютъ въ себѣ цѣнный матеріалъ для рѣшенія многихъ вопросовъ, касающихся судьбы магдебургскаго права въ Львовбережной Малороссіи ¹⁾. По нимъ можно прослѣдить *отъизмото* исторію магдебургскаго права, узнать, какіе города и съ какого времени стали пользоваться имъ; въ нихъ же мы найдемъ богатые данныя для исторіи городского хозяйства.

Гораздо меньше матеріала заключается въ нихъ для характеристики городского самоуправления—его организаціи. Московское правительство не хотѣло, да и не могло (въ особенности на первыхъ порахъ) вносить въ грамоты подробныхъ данныхъ объ этой организаціи. Оно приняло ее, какъ готовый фактъ, какъ наслѣдіе отъ прежняго времени и прежняго режима. Если оно предоставило Малороссіи вообще и козачеству въ частности политическую автономію, почему бы ему было не узаконить такой организаціи, которая давала одни словенныя права и при томъ отличалась спорадическимъ характеромъ, тѣмъ болѣе, что и у себя дома оно подчасъ предоставляло нѣкоторую автономію своимъ городскимъ общинамъ (напримѣръ, при Грозномъ). Сами малороссійскіе города также стремились только къ сохраненію *statu quo*; они не сдѣлали никакой попытки къ расширенію своихъ правъ послѣ удачнаго исхода возстанія Богдана Хмельницкаго; по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ объ этомъ никакихъ свидѣтельствъ — ни прямыхъ, ни косвенныхъ; да это опровергается и со-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что, благодаря счастливой случайности, въ моемъ распоряженіи очутилась *полная* коллекція жалованныхъ грамотъ *всѣмъ* малороссійскимъ привилегированнымъ городамъ, исключая Переяслава: это официальные сборники ихъ, сохранившіеся въ копіяхъ въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ.

ображеніями исторической вѣроятности. Малорусское мѣщанство и раньше не высказывало желаній расширить свою автономію. Въ возстаніи Богдана Хмельницкаго главѣйшую роль играли козаки: имъ принадлежала инициатива въ этомъ дѣлѣ; они же воспользовались и его результатами. Правда, въ немъ участвовали и другія общественныя группы; крестьяне, можно даже сказать, вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть его. Но Хмельницкій считалъ себя все-таки главнымъ образомъ представителемъ козачества и, какъ показываетъ исторія, въ трудныя моменты выдавалъ посольство съ головою его врагамъ, полякамъ. Неудивительно поэтому, что все стремились тогда оказываться даже „поважные“ мѣщане. Для сословныхъ притязаній мѣщанства былъ теперь моментъ не особенно удобный. Да и потому центральное московское правительство вѣдалось главнымъ образомъ и съ гетманомъ и козацкимъ урядомъ, который едва ли могъ допустить такое расширеніе мѣщанскихъ привилегій, которое бы нарушало его интересы. При томъ въ первое время сословныя грани возстаніемъ Богдана Хмельницкаго были какъ бы уничтожены: все смѣшалось въ общемъ водоворотѣ, и выступать при такихъ условіяхъ съ ультрасословными пожеланіями было неудобно. А потому для достиженія *политическихъ* правъ мѣщанамъ оставалось въ сущности одно средство—слиться съ козаками. Но этого не случилось. Исторія взаимныхъ отношеній мѣщанства къ козачеству пошла по совсѣмъ иному пути: обѣ сословныя группы чѣмъ дальше, тѣмъ больше расходились въ противоположныя стороны. Весь смыслъ общественныхъ интересовъ мѣщанства въ XVII—XVIII вѣкахъ сводится къ одной задачѣ—стремленію сохранить старое *statu quo*; ни о какихъ расширеніяхъ своей автономіи оно и не мечтало. Вотъ почему и содержаніе жалованцыхъ грамотъ отличается такимъ консерватизмомъ; вотъ почему тамъ такъ много желанія удержаться въ старой „пошлинѣ“, добиться подтвержденія того, что существовало при Алексѣѣ Михайловичѣ и еще раньше при польскихъ короляхъ. Грамоты Алексѣя Михайловича узаконивали съ нѣкоторыми видоизмѣненіями ту организацію, которая существовала еще при полякахъ, и потому мало распространялись о ней. Грамоты послѣдующихъ московскихъ государей и русскихъ императоровъ подтверждали въ большинствѣ случаевъ грамоты Алексѣя Михайловича да восстанавливали, или, правильнѣе говоря, пытались восстановить нарушенные интересы привилегированнаго малорусскаго мѣщанства. Даже тѣ грамоты, которыми впервые вводилось магдебургское право уже во 2-й половины XVIII вѣка (на-

примѣръ, въ Новгородъ-Сѣверскѣ), не касаются подробностей новой городской организаціи, а ограничиваются указаніемъ на примѣры другихъ старѣйшихъ городовъ: и петербургское правительство, по примѣру московскаго, не входило въ мало интересныя для него детали мѣстной жизни и ея устройства. Немного позже, въ царствованіе Императора Николая Павловича, извѣстному Сперанскому пришлось даже произвести историческое изслѣдованіе о магдебургскомъ правѣ въ Малороссіи, которое должно было показаться государственнымъ людямъ Россіи настоящимъ Колумбовымъ открытіемъ. Такимъ образомъ, данныя, заключающіяся въ жалованныхъ грамотахъ, приводятъ насъ къ мысли о сильной, хотя и чисто традиціонной устойчивости, можно даже сказать, косности городского устройства.

Спрашивается теперь, что же, кромѣ грамотъ, опредѣляло это устройство, его организацію? Это были сборники дѣйствующаго магдебургскаго права, и намъ слѣдуетъ обратиться къ ихъ разсмотрѣнію. Къ счастью, этотъ вопросъ почти уже разрѣшенъ покойнымъ профессоромъ А. О. Кистяковскимъ (въ предисловіи къ изданнымъ имъ „Правамъ“¹⁾), и намъ остается только воспользоваться результатами его изслѣдованій, провѣрить²⁾ ихъ и добавить отъ себя кое-какія мелочи.

А. О. Кистяковскимъ твердо обосновано положеніе, что руководящими книгами въ магистратскихъ судахъ Львовережной Малороссіи послѣ 1654 года были сочиненія Павла Щербича— „*Saxon seu prava polski majdebursky nazywajace Speculum Saxonum*“ и Бартоша Гроицкаго „*Porządek sądow u spraw miejskich prava majdeburskiego*“; мало того, этими книгами пользовались и въ другихъ народныхъ судахъ (напримѣръ, полковыхъ). Доказывается это ссылками на данныя сочиненія, разсѣянными въ рѣшеніяхъ разныхъ судовъ. А. О. Кисти-

¹⁾ Права, по которымъ судится малороссійскій народъ, изданныя подъ редакціею и съ приложеніемъ изслѣдованія о семъ сводѣ и о законахъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи. К. 1879, 844, 74, 28.

²⁾ Чтобы ознакомиться съ рукописными матеріалами, бывшими въ распоряженіи у пок. А. О. Кистяковскаго, я отправился въ Кіевъ и, благодаря рѣдкой предупредительности его вдовы, многоуважаемой Александры Ивановны Кистяковской, могъ найти въ обширной бібліотекѣ покойнаго всѣ тѣ рукописные сборники, на которые онъ ссылается въ своей книгѣ. Нельзя не поблагодарить Александру Ивановну Кистяковскую за то, что она не только сохранила, но и привела въ порядокъ огромную бібліотеку своего мужа, въ которой, кромѣ рѣдкихъ печатныхъ изданій, есть цѣнный отдѣлъ рукописей (см. о нихъ мою замѣтку въ *Кіевской Старинѣ* 1891, № 3).

ковскій полагаетъ, что *Saxon* и *Porzadek* появились въ Малороссіи еще въ литовско-польскій періодъ и только продолжали дѣйствовать послѣ присоединенія ея къ Россіи. Это также очень вѣроятно, хотя въ пользу своего мнѣнія почтенный изслѣдователь и не приводитъ никакихъ данныхъ, а не приводитъ потому, что рѣшеній магистратскихъ судовъ до второй половины XVII вѣка у насъ, можно сказать, не имѣется. Единственное фактическое указаніе на этотъ счетъ принадлежитъ бывшему предсѣдателю комиссіи для составленія правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ, генераль-судья Борозднѣ, который высказалъ его въ 1735 году. По его словамъ, за польской державой, Кіевъ, Черниговъ и Стародубъ судились Литовскимъ статутомъ; къ нему присоединились еще потомъ (по неизвѣстно когда) 2 книги нѣмецкаго городского права (разумѣется, Саксонъ и Порядокъ); что же касается четырехъ книгъ магдебургскаго права на латинскомъ языкѣ, то онѣ въ употребленіи не были, хотя члены „правной“ комиссіи и сдѣлали изъ нихъ кое-какія позаимствованія ¹⁾. По это свидѣтельство, какъ видимъ, отличается неясностью, и сдѣлать изъ него какой либо опредѣленный выводъ по занимающему насъ вопросу трудно. Между тѣмъ многія косвенныя и апіорныя соображенія приводятъ насъ къ мысли, что *Saxon* и *Porzadek* были руководящими книгами магдебургскаго права въ литовско-польскій періодъ. 1-е изданіе *Saxon*'а Щербича относится къ 1581 г., а Порядка Гроицкаго—къ 1566 г.; слѣдовательно, они могли распространиться въ городахъ Лѣвобережной Малороссіи, получившихъ магдебургское право, какъ мы видѣли, сравнительно поздно. Судь, какъ это видно изъ жалованныхъ грамотъ, долженъ былъ тамъ происходить на польскомъ языкѣ, который тогда былъ государственнымъ языкомъ и пользовался широкимъ распространеніемъ въ обществѣ. Эти же книги были руководящими въ судахъ Польши, Литвы и Правобережной Малороссіи. Организация магистратскаго самоуправленія въ Лѣвобережьи соотвѣтствуетъ тому, что говорится по этому поводу въ Саксонѣ и Порядокѣ. Книги эти много разъ перендавались и потому ихъ не трудно было пріобрѣтать. Наконецъ, только старымъ употребленіемъ ихъ и можно объяснить себѣ тотъ фактъ, что ими руководствовались магистратскіе суды послѣ Переяславскаго договора, не смотря на непригодность ихъ къ новымъ условіямъ жизни и множество другихъ чисто внѣшнихъ затрудненій (трудность полученія изъ Польши и т. п.). Говоря это, мы,

¹⁾ Черн. Губ. Вид., 1852, № 13.

впрочемъ, не думаетъ отрицать знакомства нѣкоторыхъ юристовъ-практиковъ того времени и съ латинскою передѣлкою нѣмецкаго *Sachsenspiegel*'я (Искера). Латинскій языкъ долженъ былъ сдѣлаться официальнымъ языкомъ Стародубовскаго магистрата, какъ это мы видѣли изъ жалованной грамоты еще 1625 года. Я думаю, что и члены правнoй комиссіи не спроста обратились къ латинскимъ передѣлкамъ Саксонскаго зеркала: тутъ дѣйствовала историческая традиція.

Какъ бы то ни было, Сахон и *Porządok* по традиціи продолжали удовлетворять практическимъ потребностямъ магистратскихъ судовъ и послѣ 1654 года. Разъ сохранено было царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его преемниками магдебургское право за малороссійскими городами, должны были сохраниться и эти „законныя“ книги. Новыхъ не было, да о составленіи ихъ никто и не думалъ: ни сами мѣщане, ни гетманскій урядъ, ни тѣмъ менѣе центральное русское правительство. Единственное, что можно было тогда дѣлать,—это перевести ихъ на русскій языкъ; и такой переводъ, повидимому, и былъ исполненъ еще во 2-й половинѣ XVII вѣка. Объ этомъ мы, по крайней мѣрѣ, заключаемъ изъ одного факта, случайно мимоходомъ сообщаемого И. В. Теличенкомъ, на основаніи документовъ Харьковскаго историческаго архива. Въ распоряженіи комиссіи, по его словамъ, были между прочимъ: „1) книга рукописная русская, переводъ давній титуловъ изъ Порядка Польскаго. Переводъ былъ сдѣланъ Пекалицикимъ и, по замѣчанію самихъ составителей свода, весьма неисправно; 2) книга большаѣ рукописная, переводъ давній студентскаго Саксона польскаго *всею*—къ дѣлу весьма негодный“. Если эти переводы въ 20-хъ—30-хъ годахъ XVIII вѣка признавались очень давними, то они не могли быть составлены позже 2-й половины XVII вѣка; самая негодность ихъ объясняется, очевидно, древностью: языкъ устарѣлъ и сдѣлался неудобопонятенъ для юристовъ XVIII вѣка, уже въ значительной стѣпени обрусѣвшихъ. Въ XVIII вѣкѣ, когда польскій языкъ все болѣе и болѣе забывался среди южно-русскаго общества, въ такихъ переводахъ должна была явиться еще большая потребность. И дѣйствительно, покойному А. Ѳ. Кистяковскому удалось собрать и описать значительное количество такихъ переводовъ, а также сокращеній и передѣлокъ¹⁾.

Таковъ, напримѣръ, краткій сводъ статута, гдѣ право изложено въ алфавитномъ порядкѣ юридическихъ терминовъ (апелляція, безчестье, брань, бѣглецы, вдовы и т. п.). Здѣсь же помѣщены ссылки на Сак-

¹⁾ См. „Права...“, стр. 87—90.

сонъ. Порядокъ и указы русскаго правительства ¹⁾). Такимъ образомъ, Литовскій статутъ, Саксонъ, Порядокъ и указы центральной и мѣстной малороссійской власти составляли матеріальное содержаніе тогдашняго южно-русскаго права. Юристы-практики (судьи и адвокаты) и присутственныя мѣста должны были дѣлать для себя сборники, куда входили бы перечисленные выше матеріалы. Такъ получался если не сводъ законовъ (его еще не было), то, по крайней мѣрѣ, собраніе ихъ (конечно, очень неполное, но для практическихъ цѣлей достаточное).

Кое въ чемъ, впрочемъ, иногда проявлялась и самостоятельная работа собирателя. Такимъ характеромъ, напримѣръ, отличается *„книга указная Василя Петрова сына Кондратьева, коитомъ и трудами сю въ 1760 году здѣланная для себя“* ²⁾. Въ началѣ ея помѣщенъ „процессъ краткій приказный“, а затѣмъ идутъ различные указы генеральной войсковой канцеляріи, генеральнаго войсковаго суда, императорскіе и гетманскіе указы и т. п. „Приказный процессъ“ представляетъ изъ себя руководство для производства дѣлъ въ тогдашнихъ канцеляріяхъ, какъ это видно изъ его заглавія ³⁾, предисловія ⁴⁾ и содержанія. Тутъ мы также находимъ ссылки на Статутъ, Саксонъ и Порядокъ, но есть выписка и изъ Уложенія. Есть въ библиотекѣ Кистяковскаго и еще одинъ сборникъ ⁵⁾, гдѣ помѣщенъ экстрактъ изъ Статута, а затѣмъ выписано 9 артикуловъ (на 2-хъ страницахъ) изъ книги Порядка—о свидѣтеляхъ, о давности, объ убійствѣ. Еще болѣе видное мѣсто занимаетъ пѣмецкое городовое право въ Сборникѣ уже извѣстнаго намъ Василя Кондратьева, носящемъ такое заглавіе *„Книга Статутъ и протчія права малороссійскія и другія служанія къ тому переписки трудовъ и собранія Василя Петрова сына*

¹⁾ Библиотека А. Θ. Кистяковскаго, отд. XIII, № 67; см. о ней у А. О. Кистяковскаго, стр. 88—89.

²⁾ И пользовался экземпляромъ, хранящимся въ библиотекѣ Киевскаго университета (№ 306); см. о ней у А. Θ. Кистяковскаго, стр. 87—88.

³⁾ Оно приведено полностью у А. Θ. Кистяковскаго, стр. 87.

⁴⁾ Въ предисловіи говорится слѣдующее. Грамота Петра Великаго къ гетману (Коронадскому предписывала завести особую высшую генеральную канцелярію. Полковныя канцеляріи, магистраты и сотенныя правленія должны были подражать введеннымъ въ ней порядкамъ; съ этою цѣлью, очевидно, и составлены были при гетманской резиденціи, то-есть, въ Глуховской генераль-канцеляріи, правила процесса, а затѣмъ разосланы поводу, въ томъ числѣ и въ Переславскую полковную канцелярію, гдѣ къ нимъ прибавили разные указы. Такъ являлась книга Кондратьева.

⁵⁾ Отдѣлъ XIII, № 80.

Кондратьева“. Здѣсь мы находимъ слѣдующія части: во первыхъ, краткое изложеніе магдебургскаго права по книгѣ „Порядка“; повторыхъ, переводъ значительной части „Порядка“ (всей 1-й части и 2-й до 69 стр.); третьихъ, указатель содержанія всѣхъ частей книги *Порядка*, занимающій 26 страницъ („кратко выписано съ правъ малороссійскихъ—книги *Порядка*, съ артикуловъ права майдебургскаго и права цесарскаго съ означеніемъ, какое въ тѣхъ правахъ за вины положено наказаніе и казнь и на какихъ именно значить страницахъ“). Для насъ интереснѣе всего сокращенная передѣлка „Порядка“; о ней А. О. Кистяковскій говоритъ слѣдующее: „Матеріалъ расположенъ здѣсь по предметамъ, но не въ алфавитномъ порядкѣ. Каждый юридическій институтъ изложенъ въ видѣ большаго или меньшаго числа положеній. Противъ каждаго положенія приведена цитата, откуда оно взято, изъ *Порядка* ли въ тѣсномъ смыслѣ, изъ артикуловъ ли магдебургскаго права, или изъ права цесарскаго. По объему это сокращеніе магдебургскаго права на русскомъ языкѣ болѣе обширно, чѣмъ другія въ этомъ родѣ; судя по тому, что списки его падаются нерѣдко, какъ отдѣльно, такъ и въ рукописяхъ вмѣстѣ съ Литовскимъ статутомъ, можно думать, что передѣлка была рукою книгой какъ въ малороссійскихъ судахъ, такъ и у практиковъ“¹⁾.

Прибавимъ къ этому, что компиляція неизвѣстнаго написана на нарѣчій тогдашнихъ малороссійскихъ актовъ, но довольно близко къ русскому актовому языку. Весь матеріалъ цѣликомъ позаимствованъ изъ „Порядка“; самостоятельность же компилятора проявилась только въ томъ, что онъ распредѣлялъ его по своему вкусу или, правильнѣе говоря, руководствуясь соображеніями практическаго характера. Впрочемъ, и здѣсь онъ не особенно далеко отступилъ отъ своего источника; и тамъ право изложено въ видѣ объяснительнаго словаря юридическихъ терминовъ въ систематическомъ порядкѣ; нашъ же авторъ свелъ воедино матеріалъ всѣхъ трехъ составныхъ частей книги *Порядка* и опять таки изложилъ его въ видѣ словаря, но не придерживаясь ни систематическаго, ни алфавитнаго порядка²⁾. Вотъ ка-

¹⁾ „Права“, стр. 89—90. ср. въ библиотекѣ А. О. Кистяковскаго, отд. XIII, № 40.

²⁾ Чтобы дать понятіе о манерѣ автора и его языкѣ, я приведу одну выдержку изъ этой рукописи параллельно съ текстомъ оригинала:

„Бургомистры должны
быть обираемы люди добрые,
расторонніе, осѣдліе и не

„Dla pożytku miejskiego mają być obierani w
rade ludzie dobrzy, mądrzy lat zupelnych przynam-
niej we dwudziestu y w pięci lat w miescie osiedli,

ковы его статьи: судьи, судъ, присутствующіе въ судѣ, писарь, истець, позовъ, отвѣтчикъ, судныя рѣчи, повѣренный, свидѣтель, должникъ, порука, присяга, запись, миръ, закладъ, продажа, давность, наслѣдники, раздѣлъ, опека, жена, пожога, брань, гвалтъ, убытки, арестъ, исполненіе приговоровъ, апелляція, гость, раны, убійство, горячій учинокъ, воровство, подозрѣніе, оговоръ, побѣгъ, пытки и допросы, казнь. Понятно, что такая книга могла служить полезнымъ справочнымъ пособіемъ и судѣ, и адвокату, и истцу, и отвѣтчику, въ особенности если они не были знакомы съ польскимъ языкомъ или не имѣли у себя оригинальнаго сочиненія Гронцкаго. А тѣмъ дальше, тѣмъ польскій языкъ приходилъ все въ большее и большее забвеніе (въ особенности со 2-й половины XVIII вѣка), и тѣмъ труднѣе было добывать и самыя „законныя“ книги на этомъ языкѣ. Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ могли получить ходъ и распространеніе даже и такія жалкія на нашъ взглядъ компіляціи, какъ только что описанная. По этой же причинѣ должны были являться и рукописныя переводы въ родѣ указашныхъ выше. Научнаго значенія они не имѣли никакого, да и не ставили себѣ никакой ипой цѣли, кромѣ чисто практической; съ этой точки зрѣнія ихъ нужно и оцѣнивать.

Итакъ, сфера распространенія нѣмецкаго городского права въ

меньше 25 лѣтъ, не весьма богатіе и не убогіе, средняго имѣнія для того, что богатіе обижли людей утѣснить, а средніе способнѣйши общенародныя дѣла въ собственній примѣръ приводить и для того они должны быть всегда въ дому доброй славы, справедливости и правду сохраняющіе, ласкательства и злости не имущіе, въ словахъ и поступкахъ достаточни, не пьяницѣ, не двуязычни, не блазневиты, не сорлявы и кому было бы 90 лѣтъ, того не выбирать“.

wszakże nie bardzo bogaci, ani też ubodzy, ale szredniego stanu, abowiem bogaci a możni czestokroć zwykli rzecz pospolita uciskać y niszczyć, ubodzy zasie jako laci żadnego pożytku nie szynić, ale urzedni k temu są nasposobniejszy, ktorzy na swym przestawiając cudzego nie požadają, a pospolita rzecz nad własną przekładają (Jure municipali art. 44. glos.). Nadto mają być z prawego małżenstwa narodzeni, doma żawzdy mieszkający dobrej sławy Boga sie bojący, sprawiedliwość i prawdę milujący, kłamstwa y złość w nienawisci mający, tajemnie mieyskich nie obiawiający, w słowech y w uczynkach stali, lakomstwem sie brzydzący, darow nie nasladujący, mierni, nie piane, nie dwujęzyczni, nie pochlebcy, nie blaznowie, nie natretowia, nie cudzolo, żnicy, nie ony, ktorych żony szadzą, nie lichwiarzenie falszerze, nie zwadliwy. Abowiem zgodą male rzeczu mnożą sie, a niezgodą wielkie niszczenia. Też nie ma być na to obieran człowiek obey y z ynszego prawa y komuby bylo dziewiec dziesiąt lat (Jure munic., art. eodem). (Porządek.... Krakow, 1629, pp. 11—12).

Малороссіи была шире, чѣмъ можно было думать: имъ руководились не только въ магистратскихъ судахъ, но и въ полковыхъ, сотенныхъ, хотя, впрочемъ, тутъ оно являлась только въ качествѣ *дополненія* къ Литовскому статуту. Но въ магистратахъ, повторяемъ, оно было основнымъ источникомъ, основнымъ, хотя и не единственнымъ. На ряду съ ручными книгами магдебургскаго права магистратскіе суды пользуются иногда и Литовскимъ статутомъ. Такъ, нѣжинскій магистратскій судъ въ приговорѣ по дѣлу о воровствѣ цыганами лошадей за городомъ Борзною ссылается на статуть ¹⁾; точно также поступаетъ и стародубскій магистратъ въ 1691 году въ дѣлѣ рудника Дмитрія Момотелка, изнасиловавшаго дочь рудника Михайла Даниловича ²⁾. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ ссылку и на статуть, и на Саксонъ ³⁾. И это понятно. Ни Саксонъ, ни Порядокъ не представляли изъ себя законодательныхъ сборниковъ официального происхожденія. Если *S. eculum Saxonium* заключаетъ во 2-й части своей (*Jus municipale, to est pravo miejskie majdeburgskie*) магдебургское право въ систематическомъ изложеніи (хотя, впрочемъ, „не въ формѣ закона, а въ видѣ научныхъ сентенцій и разсужденій“), то *Porząddek* „есть нечто иное, какъ сборникъ различныхъ сочиненій, въ которыхъ изложено было польскими юристами магдебургское право. Самый *Porząddek*, какъ самостоятельная часть этого сборника, есть руководство къ изученію права, которое впоследствии времени превратилось въ законную книгу. Это была книга, на которую преимущественно передъ другими ей подобными любилъ ссылаться суды Польши, Литвы и Малороссіи“ ⁴⁾. Въ противоположность имъ Литовскій статуть представлялъ изъ себя

¹⁾ Судъ имѣвшій до права, писаннаго въ статутѣ о цыганахъ „писаного прихмляючись, Тимошеви и Иванови цыганъ въ тую роту поприсягнути всказалъ“ (Отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ, изд. А. М. Лазаревскимъ, стр. 14).

²⁾ Въ статутѣ князства Литовскаго, читаемъ мы тамъ, въ раздѣлѣ 11, артикулѣ 20, написано: „установимъ, если бы кто дѣвку albo учтмвумъ невѣсту якого колвенъ стану усмствомъ зквалтилъ, а оная дѣвка albo невѣста за учинкомъ волала квалту, за которимъ воланьемъ люди бы прибѣгли на оный квалтъ, а она бы знаки квалту указовала, потомъ въ оного куправу притягнула и двема albo трома свѣдками знаки квалту свѣдчила, а къ тому при тихъ свѣдкахъ на томъ квалтѣ своемъ на того сама присягнула, тогда тотъ маеть быти горломъ каранъ, а навезка маеть быти зъ имѣнья водле стану (Протоколы Стародубовскаго магистрата).

³⁾ Отрывки изъ нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ, изд. А. М. Лазаревскимъ, стр. 25.

⁴⁾ „Права“, стр. 70.

настоящій судебникъ officialнаго происхожденія, собраніе дѣйствующихъ узаконеній въ систематическомъ порядкѣ. Ясное дѣло, что на его сторонѣ были все преимущества въ этомъ отношеніи ¹⁾. Но ограничиться имъ однимъ или даже сдѣлать его главною своею „закононою“ книгой привилегированные малороссійскіе города не могли по многимъ причинамъ. Въ немъ не было, напримѣръ, никакихъ указаній на организацію городского управленія по магдебургскому праву, что являлось вопросомъ первостепенной важности для такихъ городовъ. Кроме того, Литовскій статутъ и сборникъ нѣмецкаго городского права какъ бы взаимно дополняли другъ друга. Важное значеніе (въ особенности въ формальномъ отношеніи) должно было имѣть и то обстоятельство, что нѣмецкое городское право прямо рекомендовалось въ случаѣ необходимости прибѣгать къ другимъ законодательнымъ памятникамъ и даже просто руководствоваться обычаемъ ²⁾; а Литовскій статутъ представлялъ, такъ сказать, національный памятникъ литовско-русскаго права и господствовалъ въ городскихъ судахъ Чернигова и Стародуба до 2-й половины XVII вѣка.

Итакъ, *обычай* наравнѣ съ писаннымъ закономъ вліялъ и на организацію городского самоуправленія (объ этомъ говорятъ также грамоты), и на отправленіе функцій судебной власти. И Литовскій статутъ, и въ особенности руководящія книги нѣмецкаго городского права мало соответствовали складу правовыхъ воззрѣній самого южно-русскаго народа, его *обычному праву*; это послѣднее не могло не проявиться въ той или иной формѣ: и оно дѣйствительно проявилось еще въ литовско-польскій періодъ въ видѣ копныхъ судовъ. Проф. В. Б. Антоновичъ высказалъ положеніе, что магистратскіе суды юго-западной Руси „по всеѣмъ встрѣчавшимся имъ вопросамъ находили отвѣтъ въ обычномъ мѣстномъ правѣ, которое сохранилось по преданію или истекало изъ внутреннихъ понятій о справедливости судящихъ въ каждомъ данномъ случаѣ“. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ отвергаетъ значеніе обычая въ судебныхъ рѣшеніяхъ магистратскихъ судовъ. Но намъ кажется, что ближе всеѣхъ къ истинѣ

¹⁾ Въ Новгородъ-Сѣверской ратушѣ имѣлся и Статутъ, и Порядокъ, и Саксонъ (Харьковскій историческій архивъ, дѣла Малоросс. коллегіи, № 1987).

²⁾ Въ случаѣ отсутствія какого либо законоположенія въ книгахъ права магдебургскаго или въ привилегіяхъ, для рѣшенія того или иного спорнаго дѣла заимствуютъ его изъ цесарскаго права, а иногда судятъ по древнимъ обычаямъ или по образцу подобнаго дѣла, служившаго раньше предметомъ судебного разбирательства. Такъ говорится въ Порядокѣ Гронскаго.

покойный А. О. Кистяковский, высказавший среднее мнѣніе, что на ряду съ писаннымъ закономъ, который не оставался мертвою буквою. дѣйствовалъ и обычай, который въ свою очередь видоизмѣнялъ, а иногда и замѣнялъ законъ.

Еще большія отступленія отъ Статута и нѣмецкаго права должны были имѣть мѣсто въ Лѣвобережной Малороссіи со 2-й половины XVII вѣка. И тотъ, и другое являлись здѣсь до нѣкоторой степени въ видѣ культурнаго пережитка. Формы и складъ жизни мѣстнаго населенія претерпѣли весьма сильныя измѣненія. Явился и еще одинъ новый и важный факторъ въ видѣ центрального русскаго правительства, которое постепенно измѣняло сообразно со своими цѣлями внутренній строй Малороссіи, а въ томъ числѣ и городской бытъ. Неприспособленность закона къ новымъ условіямъ жизни должна была вызывать по необходимости неопредѣленность и путаницу въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Изъ одного документа мы узнаемъ, напимѣръ, что въ Нѣжинскомъ магистратѣ дѣла рѣшались по магдебургскимъ правамъ, а, будучи перенесены по апелляціямъ въ генеральный войсковой судъ, разсматривались уже по Статуту. Но между Статутомъ и ручными книгами магдебургскаго права существовала не малая разница, какъ въ области уголовного, такъ и въ области гражданскаго права¹⁾. И такъ какъ за неправильныя рѣшенія предписано было

¹⁾ Эта разница сознавалась и отмѣчена была еще въ прошломъ вѣкѣ представителями самого малороссійскаго общества. Вотъ что говорили, напимѣръ, члены Нѣжинскаго магистрата въ своей челобитной гетману Разумовскому въ 1761 году: „По Статуту (раздѣлъ 7-й, артикуль 1-й) вольно каждому было имѣнія свои отческія и материнскія, выслуженія, купленія и якимъ колвекъ образомъ набитія и названія, несмотря третьей или двоухъ частей, изъ онихъ порознь що хочеть по волѣ и разсужденію своему отдать, продать, даровать, записать, заставить, отъ дѣтей и сродниковъ отдѣлить по разсмотрѣнію своему тѣмъ расплагать; а по праву магдебургскому (на листѣ 17-мъ) показано: „дѣдизнаго имѣнія не можетъ никто продать и отдалить отъ всего потомства того имѣніемъ, въ которое самъ вводитъ, но предкахъ своихъ, а хочай бы продалъ или отдалить, а оны на то не пристануть, тогда та продажа и отдаленіе ничего не важить“; на листѣ 19-мъ: „когда хто такое имѣніе продалъ кромѣ дозволенія наслѣдниковъ, на которыхъ имѣніе спадать имѣеть, тогда такое проданье ничего не важить“; по раздѣлу 6-му, артикулу 14-му всякое имѣніе материстое движимое и недвижимое въ равной подѣлъ какъ на сыновъ, такъ и на дочерей, а спадковое отческое имѣніе только на сыновъ спадаетъ, по праву же магдебургскому (стр. 6-я) показано, что на мужескій яко и женскій полъ равно спадать имѣеть“ (Харьк. ист. архивъ, дѣла Малоросс. колл. № 6705). Извѣстный уже намъ предсѣдатель „правной“ комиссіи, генеральный судья Бороздня, также указывалъ на противорѣчивыя поста-

брать штрафъ, то и оказывалось, что за рѣшенія, которыя соответствовали буквѣ Саксона и Порядка, приходилось нести тяжелую нравственную и матеріальную отвѣтственность. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ явилась настоятельная необходимость въ кодификаціи мѣстнаго права. Попытка подобной кодификаціи дѣйствительно осуществилась. Исторія ея обстоятельно изложена въ трудахъ профессора А. Ѳ. Кистяковскаго и особенно Н. В. Теличенка ¹⁾. Занятія „правной“, или, точнѣе говоря, правовыхъ комиссій не были безрезультатны. Онѣ, попервыхъ, перевели съ польскаго и латинскаго языковъ Литовскій статутъ, Саксонское зеркало, Хелминское право и Порядокъ, а, вторыхъ, составили изъ нихъ и пѣкоторыхъ другихъ источниковъ сводъ законовъ, въ значительной степени приспособленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ. Составленъ былъ этотъ законодательный сборникъ въ 1743 году, но утвержденъ не былъ, и о немъ даже, по-видимому, скоро забыли. Только въ наше время онъ былъ напечатанъ профессоромъ А. Ѳ. Кистяковскимъ. Для насъ въ немъ особенный интересъ имѣетъ 26-я глава, озаглавленная такъ: „о магистратъ или урядъ гродскомъ у привиліюванныхъ и другихъ меньшихъ городовъ, о судахъ ихъ гродскихъ и о другихъ должностяхъ“. Хотя сводъ, составленный въ 1743 году, и не былъ дѣйствующимъ законодательнымъ сборникомъ, тѣмъ не менѣе имъ можно пользоваться въ значительной степени для характеристики тогдашняго юридическаго быта. Въ особенности же нужно сказать о 26-й его главѣ, содержащей въ себѣ постановленія касательно городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ. Она составлена главнымъ образомъ на основаніи По-

---

новленія Статута и магдебургскаго права. Статутъ, напримѣръ, постановлялъ „сына отъ женскаго убора по смерти матчиной не отдавать“; если не было у нея дочерей, то эти вещи наследуетъ сынъ; а права магдебургскія, саксонскія повѣляютъ сестрѣ матчиной и ближайшей изъ родственницъ по матерѣ брать отъ сына всѣ женскіе уборы, сукни, постель и пр. (Черн. Губ. Вид., 1862, № 13; ср. „Права“, стр. 840—844).

¹⁾ Н. В. Теличенка, Очеркъ кодификаціи малоросс. права (въ „Кіевск. Стар.“ за 1888 годъ и отдѣльно). Г. Теличенко только упустилъ изъ виду одинъ важный документъ, напечатанный А. М. Лазаревскимъ до выхода въ свѣтъ его статей „Универсалъ гетмана Скоропадскаго о переводѣ книгъ правовыхъ на малорусскій языкъ“ (Кіевск. Стар.“, 1887, апрѣль, стр. 788—789). Изъ него оказывается, что 1-е распоряженіе о переводѣ Саксона, Порядка и Статута и при томъ не на великорусское, а на малорусское нарѣчіе относится не ко времени Д. Апостола, какъ говорятъ Кистяковскій и Теличенко, а Скоропадскаго. Было ли оно приведено, не извѣстно.

рядка и Саксона (при чемъ преобладаютъ ссылки на первый источникъ), но есть позаимствования и изъ Статута. Составители свода, какъ это видно изъ заявленія Бороздны и еще болѣе изъ самаго содержанія его, не ограничились простымъ извлеченіемъ данныхъ изъ своихъ источниковъ: они ихъ сопопоставляли, примиряли, сокращали, прибавляли и измѣняли, и въ 26-й главѣ мы встрѣчаемъ такія измѣненія, сокращенія и прибавленія. Спрашивается, чѣмъ же они руководствовались въ этихъ случаяхъ? 26-я глава содержитъ въ себѣ постановленія относительно организаціи городского самоуправленія, функцій различныхъ должностныхъ лицъ, магистратскаго суда, хозяйства и полиціи. Но все это уже существовало въ дѣйствительности и, конечно, не совсѣмъ въ такомъ видѣ, какъ это было выражено въ Саксонѣ и Порядкѣ, составленныхъ еще въ XVI в. Ясно, слѣдовательно, что, дѣлая отступленія отъ своихъ источниковъ, члены комиссіи принимали во вниманіе условія дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, 26-я глава „Правъ“, не смотря на то, что эти послѣднія не были дѣйствующимъ законодательнымъ сборникомъ, можетъ дать намъ даже болѣе точное понятіе о внутреннихъ распорядкахъ, господствовавшихъ въ привилегированныхъ городахъ Львовережной Малороссіи, чѣмъ основные источники ея—Саксонъ и Порядокъ. Такое мнѣніе высказалъ еще покойный А. Ѡ. Кистяковскій. „Наконецъ, 26-я глава Свода,—говоритъ онъ,—также составлена по книгамъ магдебургскаго права, хотя составители закрѣпили въ этой главѣ не магдебургское устройство, изложенное въ руководящихъ книгахъ этого права, а то видоизмѣненное, которое существовало въ ихъ время въ Малороссіи и которое было блѣдною тѣнью самого предмета“.

Конечно, для того, чтобы этотъ выводъ получалъ твердое фактическое обоснованіе, необходимо знать и факты живой дѣйствительности и ими провѣрить юридическія нормы. Мы и попытаемся сдѣлать это: постараемся сопоставить то, что дають по вопросу объ организаціи магистратскаго самоуправленія грамоты, „законныя“ книги и 26-я глава Свода, съ тѣмъ, что было въ дѣйствительности и о чемъ сообщаютъ намъ свѣдѣнія судебныя рѣшенія и архивныя „дѣла“.

Въ основѣ магистратскаго самоуправленія лежало выборное начало, которое должно было гарантировать дѣйствительность мѣстнаго представительства. Мѣщане, такимъ образомъ, получали то, что по Переяславскому договору и по слѣдующимъ гетманскимъ статьямъ было даровано козакамъ. Конечно, между козацкимъ и мѣщанскимъ самоуправленіемъ была огромная разница. Первое широко раскинулось по

всей странѣ и вылилось въ стройную іерархическую форму съ тремя, такъ сказать, концентрическими кругами: низшее мѣсто занималъ сотенный урядъ, слѣдующее—полковой, третье самое высокое—генеральный; во главѣ перваго стоялъ сотникъ, втораго—полковникъ, третьяго—самъ гетманъ; названія войсковыхъ чиновъ во всѣхъ трехъ кругахъ были одинаковыя (асауль, обозный и т. п.), но въ предѣлахъ власти ихъ была огромная разница: сотникъ пользовался властью только въ границахъ своей сотни, а полковникъ—всѣхъ сотенъ своего полка. Впрочемъ, и всякій сотникъ въ своей сотнѣ былъ, можно сказать, маленькимъ гетманомъ по отношенію къ подвластному ему козачеству: онъ былъ и военачальникомъ, и администраторомъ, и судьей. Мало того, власть козацкихъ старшинъ въ Малороссіи не носила исключительно сословнаго характера: она распространялась въ извѣстной мѣрѣ и на посполитыхъ, и на мѣщанъ, особенно если у этихъ послѣднихъ не было прочнаго самоуправленія. Что же касается высшаго представителя козацкаго уряда—гетмана, то его власть носила уже вполне сословный характеръ. Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ мѣщанское самоуправленіе не могло стать въ уровень съ козацкимъ, какъ равное съ равнымъ. Въ противоположность ему, оно захватывало только очень небольшую часть малороссійской территоріи—всего только 11 городскихъ общинъ. Общины эти были разрознены и не могли ни вести совмѣстной борьбы за свои права, ни даже выработать какихъ либо общихъ мѣръ для поднятія идеи солидарности и сознанія взаимной связи. Тамъ была іерархія должностей; здѣсь всѣ общины были совершенно независимы другъ отъ друга и не имѣли никакой высшей власти надъ собою съ характеромъ выборнаго представительства. Власть войтовъ и магистратскихъ чиновниковъ распространялась почти исключительно на мѣщанъ и отчасти на посполитыхъ и при томъ отличалась исключительно *гражданскимъ* характеромъ. Такимъ образомъ, магдебургское право по существу почти нисколько не нарушало господствовавшаго войскового козацкаго самоуправленія: оно не посягало на его прерогативы, не стремилось къ его ограниченію, а только выдѣляло изъ-подъ козацкаго „присуда“ небольшую сравнительно группу мѣщанъ привилегированныхъ городовъ. Степень самоуправленія этихъ городовъ была далеко не одинакова и опредѣлялась главнымъ образомъ ихъ торгово-экономическимъ или политическимъ значеніемъ: Нѣжинъ и Стародубъ, славившіеся торговлей. Черниговъ и Переяславъ, бывшіе центрами полковаго управленія, стояли въ этомъ отношеніи несравненно выше Остра, Новго-

родъ-Сѣверска, Мглина, Почена. Эти послѣдніе съ трудомъ отстаивали свою магдебургію, и были моменты, когда она въ нихъ совершенно замирала и уступала мѣсто такъ называемому *ратушному* управленію.

Еще Шафонскій въ прошломъ вѣкѣ совершенно правильно раздѣлилъ всѣ малороссійскіе города по степени ихъ самоуправленія на 2 группы — привилегированные и ратушные; въ первыхъ было магистратское управленіе, во вторыхъ ратушное: первое отличалось гораздо болѣе самостоятельнымъ характеромъ, чѣмъ второе. „Если разумѣть подъ городомъ такое селеніе, говоритъ онъ, которое жителями, торговыми и строеніемъ себя отъ прочихъ отличаетъ, и въ которомъ находится магистратъ, государственнымъ какимъ закономъ мѣщанъ ему подсудимыхъ управляющій, то такихъ городовъ было въ Малой Россіи только 11: Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Нѣжинъ, Погарь, Мглинъ, Остеръ Козелець и Полтава, которые по грамотамъ королей польскихъ и всероссійскихъ государей магдебургскимъ правомъ судились и были отъ всякаго частнаго владѣнія свободны... Мѣстечки хотя и назывались по общенародному нарѣчію городами, но никогда не имѣли права и законовъ городскихъ. Они всѣ, кромѣ Новгородъ-Сѣверска, поселены и заведены польскими владѣльцами, получили отъ нихъ дозволеніе имѣть цехи, торги и ярмарки, на которые иногда, по просьбѣ тѣхъ же владѣльцевъ, короли польскіе давали грамоты. Въ сихъ мѣстечкахъ были ратуши, управляемыя войтами и бурмистрами.... Ратушные суды судили жителей мѣстечекъ и всѣхъ „мужиковъ“, не вошедшихъ въ ряды козачества и, что весьма интересно, произносили свои приговоры „словесно, по естественному закону и своему разуму“, то-есть, на основаніи обычнаго права. Магистраты и ратуши сначала, послѣ польскаго владѣнія, въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ всякаго безъ изыятія состоянія людей судили; и изъ старыхъ крѣпостей видѣть можно, что послѣ выгнанія поляковъ лѣтъ десять одни магистратскіе и ратушные урядники безъ участія козацкихъ урядниковъ дѣла разбирали. Послѣ того стали уже въ сихъ судахъ обще съ войтами и бурмистрами присутствовать полковники или довѣренные отъ нихъ особы, судьи полковые и другая полковая старшина, сотники и городовые начальники ¹⁾“. Такое же различіе между привилегированными и не привилегированными городами под-

¹⁾ Черниг, магѣстичества топогр. описаніе, К., 1851, стр. 86, 60, 87, 91 — 92

тверждаетъ и 26-я глава „Правъ, по которымъ судятся малороссійскій народъ“: въ ратушахъ засѣдалъ только войтъ и 3 бурмистра.¹⁾ Многочисленныя указанія на ратушные суды мы находимъ и въ документахъ Харьковскаго историческаго архива. Къ числу городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, слѣдуетъ причислить еще Почепъ. Едва ли правъ Шафонскій, говоря, что всѣ ратушныя мѣстечки были основаны польскими владѣльцами и потому принадлежали частнымъ лицамъ. Въ высшей степени важно извѣстіе Шафонскаго о томъ, что въ первое время послѣ изгнанія поляковъ магистратскимъ ратушнымъ судамъ были подсудны всѣ слои южнорусскаго народа, въ томъ числѣ и козаки. Полковые и сотенные суды, по словамъ Шафонскаго, только съ теченіемъ времени обособились отъ магистратскихъ и ратушныхъ. Если это извѣстіе подтвердится какими нибудь несомнѣнными данными, то мы должны будемъ прійти къ заключенію о значительномъ расширеніи компетенціи городскихъ судовъ, потерявшихъ свой сословный характеръ и обратившихся временно во вссословныя учрежденія. Эта перемѣна могла быть важна уничтоженіемъ гродскихъ, земскихъ и подкоморскихъ судовъ. Полковые и сотенные суды не могли сразу образоваться хотя бы уже потому, что и самое полковое устройство Малороссіи выработалось постепенно. Но врядь ли только можно допустить, чтобы въ первое время послѣ 1654 года полковники не присутствовали въ магистратскихъ судахъ. Это опровергается и чисто апіорными соображеніями, и прямыми фактическими справками: въ Нѣжинскомъ магистратскомъ судѣ въ 1657 году засѣдали иногда и представители полковаго управленія, напримѣръ, наказный полковникъ, судья, эсаулъ и козаки, приславшіеся полковникомъ²⁾. И это совершенно понятно: въ судѣ, вѣдавшемъ козаковъ, должны были присутствовать и представители козачества. Во всякомъ случаѣ такое расширеніе вѣдомства магистратскихъ и ратушныхъ судовъ не могло долго продолжаться: съ образованіемъ козацкихъ судовъ, магистратскіе и ратушные отошли на задній планъ и снова замкнулись въ тѣсныя сословныя рамки.

Магистратскіе урядники привилегированныхъ городовъ могутъ быть подведены подъ двѣ категоріи—старшихъ и младшихъ. Выбирались собственно старшіе, а младшіе играли подчиненную роль и находились въ зависимости отъ старшихъ. Къ группѣ старшихъ отно-

¹⁾ „Права“..., стр. 755.

²⁾ Отрывки изъ нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ, изд. А. М. Лазаревскимъ.

сятся войтъ, бурмистры, райцы, кавники и, наконецъ, писарь, который былъ, впрочемъ, „на особомъ положеніи“; младшими служащими въ магистратѣ были комиссаръ или межовщикъ, городничій и возный.

26-я глава „Правъ“ почти цѣликомъ повторяетъ тѣ требованія, которымъ должны были удовлетворять вновь выбираемые магистратскіе урядники, по Саксону и особенно Порядку¹⁾. Это должны были быть добросовѣстные, добронравные, разсудительные, ни въ чемъ не заподозрѣнные, законнорожденные, искусные въ правахъ и, если возможно, даже ученые люди; они не должны были быть ни очень богатыми, потому что богатые привыкли притѣснять общество, и не очень бѣдными, потому что такіе „ради скудости“ не будутъ самостоятельны въ своихъ приговорахъ, а людьми средними, не жадными, не ростовщиками и не прелюбодѣями; они должны исповѣдывать православную вѣру, быть въ возрастѣ отъ 25 до 70 лѣтъ и принадлежать къ мѣстному обществу (быть „тубильцами“). Конечно, нѣкоторымъ изъ этихъ условій удовлетворить было не трудно, потому они и исполнялись на самомъ дѣлѣ (напримѣръ, пунктъ о возрастѣ, религій); это были требованія внѣшнія, формальнаго характера. Гораздо труднѣе было разобраться въ нравственныхъ качествахъ кандидатовъ и еще затруднительнѣе выбрать именно такихъ, какихъ рекомендовалъ законъ. Гдѣ было взять, напримѣръ, искусныхъ въ правахъ и ученыхъ мѣщанъ, если большинство не знало даже грамоты? Какъ можно было отдалить отъ уриды богатыхъ мѣщанъ, могшихъ нанербовать себѣ цѣлую партію добродетель? Законъ рисовалъ идеалъ, а живая дѣйствительность была очень далека отъ него.

Нельзя не отмѣтить одной черты различія между выборами въ прежнее время (при польскомъ владычествѣ) и послѣ 1654 года. Польскіе короли, какъ мы видѣли, войтомъ старались назначать лице, не принадлежащее къ мѣщанскому званію, теперь же войтъ избирается обязательно изъ среды мѣщанъ; очевидно, центральное русское правительство относилось съ полнымъ довѣріемъ къ населенію малороссійскихъ городовъ. Оно отказалось даже отъ своего верховнаго права утверждать избраніе выбранныхъ мѣщанами разныхъ малороссійскихъ городовъ войтовъ и передало эту прерогативу гетману, а позже генеральной войсковой канцеляріи.

¹⁾ См. „Права“, стр. 755; ср. Porządek, Kraków, 1629, pp. 11—12; Speculum Saxonum, abo prawo Saskie y maydeburskie porzadkiem obicadła z łacinskich y niemieckich exemplarow zebrane przez Pawła Sczerbicza. W., 1646, pp. 312—313.

Выборы, по 26-й главѣ Свода, должны были происходить въ обыкновенное время при собраніи всѣхъ мѣщанъ, такожъ цеховыхъ людей и всего посполства вольными ихъ голосами¹⁾. Это же подтверждаютъ и жалованныя грамоты; въ одной изъ нихъ говорится, что городскихъ урядниковъ должны выбирать всѣ мѣщане (лучшіе, средніе и молодшіе) „посполитѣ со всего земскаго совѣта“ изъ добрыхъ и знающихъ людей.

Наглядное понятіе о процедурѣ выборовъ даетъ одинъ документъ: подтверждающій и дополняющій свѣдѣнія Свода. По смерти черниговскаго войты Оедора Лопаты гетманъ Данилъ Апостоль поручилъ черниговскому полковнику Михаилу Богданову назначить сходку мѣщанъ для выбора новаго войты. Указъ объ этомъ Богдановъ сообщилъ наказному войту Карпу Марковичу, бурмистрамъ и мѣщанамъ. 29-го декабря 1780 года собрались въ ратушу урядники и цеховые мѣщане для выбора изъ среды своей, вольными голосами, войты. Передъ началомъ выборовъ они удалили изъ собранія бурмистровъ Карпа Марковича, наказнаго войты Іосифа Титовича и Іерофея Петровича, „чтобы изъ нихъ яко изъ старшихъ въ обранію войты не было якого насильства и переносы“. Когда же тѣ удалились, то послѣ многихъ разговоровъ и совѣщаній, всѣ остановили свой выборъ на Іосифѣ Титовичѣ. На письменномъ заявленіи мѣщанъ, гдѣ сами же они сообщаютъ настоящія подробности, подписался каждый цехъ отдѣльно (кравецкій, шевскій, рѣзницкій, ткацкій, шановальскій, перепечайскій, ковальскій), а потомъ всѣ магистратскіе урядники. Выборный листъ составлялъ и писалъ писарь Стефанъ Росовскій²⁾. Вновь избранный войтъ Титовичъ, повидимому, лично представлялся гетману и просилъ объ утвержденіи его въ должности, согласно доп

¹⁾ Права, стр. 755.

²⁾ Вотъ для примѣра, заявленіе кравецкаго (портнажническаго) цеха: „Цеху кравецкаго цехмистръ Павелъ Гуртовый и тогожъ цеху товариши, а именно Никифоръ Кондратовъ подскарбій, Григорій Никифоровъ, Григорій Ганюновъ, Евфимъ Жестянь, Сидоръ Широкий, Ярмола Ивановъ, Уносъ Нестеровъ, Миронъ Гарасимовъ, Остапъ Кведоровъ, Иванъ Лукьяновъ, Петро Лукьяновъ и всѣ того цѣху товариши, отъ большого до меньшого даемо добровольный свой голосъ—быти войтомъ черниговскимъ пану Іосифу Титовичу, бурмистру черниговскому, по явнымъ и знатнымъ его заслугамъ и по достоинству его. Къ симъ добровольнымъ голосамъ, я, Власть Нестеровъ, самъ за себе и мѣсто цехмистра кравецкаго Павла Гуртоваго и всѣхъ того цеху товариства, по ихъ прошенію, руку приложилъ“. См. „Дѣло о постановленіи по выборамъ г. Чернигова мѣщанъ цеху магистрату черниговскихъ урядниковъ 1781 г.“ (Черн. Губ. Видомости, 1852, № 24).

ношению полковника о ходѣ и результатахъ выборовъ. Гетманъ въ апрѣлѣ 1781 г., принявъ прошеніе мѣщанъ, выдалъ подтвердительный универсалъ, гдѣ говорится, между прочимъ, что черниговскіе урядники и посполство обязаны оказывать ему повиновеніе въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ своему управителю, а онъ съ своей стороны долженъ поступать порядочно и радѣтельно, какъ этого требуетъ его званіе, — удовлетворять всякаго обиженнаго законною расправою и т. п.

Здѣсь мы имѣемъ образчикъ правильныхъ, нормальныхъ выборовъ; они, какъ мы видимъ, находятся въ полномъ соответствіи съ обычаями и требованіями „законныхъ“ книгъ. Слѣдуетъ отмѣтить, впрочемъ, одну особенность, обязанную своимъ происхожденіемъ условіямъ живой дѣйствительности, — влияніе на выборы полковничьей власти. Правда, въ данномъ случаѣ формальное значеніе ея велико: она просто играетъ роль передаточной инстанціи, но въ дѣйствительности, исходя изъ этого, не трудно было ее расширить, съ тѣмъ, чтобы производить давленіе на выборы; такъ оно и бывало на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ далѣе.

Числа магистратскихъ урядниковъ Сводъ не опредѣляетъ, а ссылается на обычай, господствующіе въ разныхъ городахъ. И дѣйствительно, цифры здѣсь сильно колебались: въ болѣе значительныхъ городахъ ихъ было больше, въ маленькихъ, второстепенныхъ — меньше. Въ некоторыхъ городахъ мы не видимъ въ наличности полного числа коллегій: въ Острѣ, напримѣръ, во 2-й половинѣ XVIII вѣка не было лавниковъ; тамъ выбиралось ежегодно по общему согласію мѣщанъ изъ ихъ среды по одному бурмистру и по два райца¹⁾. Составъ членовъ Черниговскаго магистрата въ 1766 году былъ слѣдующій. Войтомъ былъ Ник. Шарой; „рочныхъ“ бурмистровъ числилось 4; но изъ нихъ принимало участіе въ дѣлахъ только двое (Григорій Бублинъ и Семень Рѣчицкій), третій (Михайло Ёнько) отсутствовалъ по болѣзни, а четвертый (Иванъ Крутнъ) — по своимъ тяжбымъ дѣламъ. Въ томъ же магистратѣ состояло пять „рочныхъ“ райцевъ: (Иванъ Санковскій, Фома Жолѣзникъ, Демьянъ Грибъ, Данило Станиславскій, Павелъ Калужинецъ). Райцы и опредѣлялись къ присутствію поочередно черезъ три года на четвертый; по окончаніи своего срока (голичнаго) они замѣнялись другими, а черезъ три года

¹⁾ Описанія малоросс. городовъ, доставленныя въ Екатериин. комиссію для составленія проекта новаго уложенія 1770 г. (Харьк. ист. архивъ, Дѣла Малоросс. колл., № 3701).

снова вступали въ отправленіе своихъ обязанностей; будучи не у дѣлъ, они употреблялись во всѣ наряды вмѣстѣ съ мѣщанами ¹⁾). Въ Стародубѣ въ 1721 г. былъ войтъ и 18 урядниковъ—8 бурмистровъ, 5 райцевъ и 5 лавниковъ, а сверхъ того еще „присяжный писарь“ ²⁾). Они составляли, какъ видно изъ другаго документа, три перемены или такъ называемыя *лавицы*; каждая лавица состояла изъ 6 членовъ—по 2 бурмистра, лавника и райца, и ежегодно замѣнялась новою ³⁾). Въ Нѣжинскомъ магистратѣ присутствовалъ въ 1766 году войтъ, вице-войтъ, 6 бургомистровъ, 26 райцевъ и писарь; два райца были опредѣлены специально для наблюденія за вѣсами, мѣрами и торговыми цѣнами, въ завѣдываніи третьяго была пожарная полиція, а четвертый исполнялъ обязанность „шафаря“ ⁴⁾). Въ Полтавскомъ магистратѣ всѣхъ урядниковъ было 12 человекъ ⁵⁾). Но здѣсь присутствовала въ засѣданіяхъ только нѣкоторая часть ихъ: на бумагахъ, исходящихъ изъ магистрата, мы встрѣчаемъ, напримѣръ, подписи войта, бурмистра, 2-хъ райцевъ и 2-хъ лавниковъ, или же войта бурмистра, 2-хъ райцевъ и одного лавника; писарь подписывался вездѣ. Такъ бывало, конечно, и въ другихъ городахъ; въ Новгородъ-Сѣверскѣ, напримѣръ, на одной челобитной подписался только войтъ и 5 бурмистровъ ⁶⁾).

Приведенные факты, не смотря на свою отрывочность, наводятъ насъ на мысль о существованіи значительнаго разнообразія въ магистратскихъ порядкахъ различныхъ городовъ. Въ Нѣжинѣ, повидимому, они достигли наибольшей полноты и цѣльности; наоборотъ, въ такихъ городахъ, какъ Остерь или Козелець, мы видимъ только блѣдную тѣнь предмета. Это различіе не ограничивалось разнообразіемъ численнаго состава магистратскаго уряда; оно распространялось и на самую дѣятельность магистратовъ: въ Нѣжинѣ, напримѣръ, мы видимъ не только большую дифференціацію, но и большую степень самоуправленія; здѣшнее гражданское управленіе было болѣе независимо отъ военнаго козацкаго, чѣмъ въ Погарѣ или Новгородъ-Сѣверскѣ. Однихъ хартій, очевидно, было недостаточно. Жалованныя грамоты Чернигову или Нѣжину ничѣмъ почти не отличались отъ такихъ же грамотъ

¹⁾ Черн. Губ. Вид., 1852, № 46.

²⁾ Харьк. истор. архивъ. Дѣла Мал. колл. № 1558.

³⁾ Ibidem, № 1239.

⁴⁾ Обзор. Рум. описи Малор., стр. 170.

⁵⁾ Харьк. истор. архивъ. Полтавское отд., № 866.

⁶⁾ Харьк. истор. архивъ. Дѣла Малоросс. колл., № 1987.

Погару или Почепу, гарантировали и тѣмъ, и другимъ почти одинаковую степень самоуправленія; но имъ приходилось вести борьбу за свою автономію; и вотъ въ этой борьбѣ они обладали уже далеко не одинаковыми силами; не удивительно, что болѣе слабые не могли удерживать своихъ привилегій во всей ихъ неприкосновенности и полнотѣ.

Обращаясь къ вопросу о функціяхъ различныхъ должностныхъ лицъ магистратскаго уряда, мы замѣчаемъ значительное отступленіе отъ нормъ, установленныхъ „законными книгами“. Исслѣдованія М. Ф. Владимірскаго-Буданова и В. Б. Антоновича ясно указали намъ на существованіе значительнаго разнообразія въ этомъ отношеніи между различными городами юго-западной Руси. Значеніе бурмистровъ, райцевъ, лавниковъ, даже самого войта было не вездѣ одинаковое. То же самое явленіе, и даже, пожалуй, въ болѣе рѣзкой формѣ, замѣчаемъ мы въ городахъ Лѣвобережной Малороссіи. Руководящія книги магдебургскаго права заключаютъ въ себѣ цѣлые обширные трактаты по вопросу о происхожденіи и значеніи высшихъ членовъ магистратскаго уряда—войта, бурмистровъ, райцевъ, лавниковъ, писаря и цѣлаго ряда низшихъ служащихъ (напримѣръ, подвойскаго). Въ особенности это нужно сказать относительно *Speculum Saxonum*, въ которомъ о райцахъ говорится на 4 страницахъ (большаго формата), о бурмистрахъ—на одной, о лавникахъ—на девяти ¹⁾. И Порядокъ, и Саксонъ и право Хелминское различаютъ административныя функціи магистратскихъ урядниковъ отъ судебныхъ; первыя относятся къ коллегіи райцевъ и бурмистровъ или такъ называемой городской радѣ, вторыя—войта и лавниковъ, иначе лавѣ. Сообразно съ этимъ изложены и обязанности урядниковъ. Въ одной изъ рукописныхъ переделокъ книги Порядка мы видимъ то же самое ²⁾.

¹⁾ *Speculum Saxonum abo prawo Saskie y maydeburskie*, pp. 311—315, 35—36, 178—187.

²⁾ *Porządek*, pp. 12—14, 14, 16, 22—24; *Prawo Chelmienskie*, W., 1646, pp. 1—5, 5—6 и пр.; оно составляетъ часть того же *Speculum Saxonum* Щербича, состоитъ изъ 5-ти книгъ и помѣщается на 79 страницахъ печатнаго текста. Вотъ для примѣра двѣ выдержки изъ этой рукописи: „Должность бургомистровъ и райцевъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ увѣжденъ или сколько надобность укажетъ, на ратушѣ сходиться о общенародной пользѣ совѣтовать предслѣдующее противное тому предупредить, новоначатые споры разбирать и смотрѣть, чтобъ дороговизны въ сѣбѣстномъ и напятакъ въ городѣ не было, перекушей, которые бы противъ положеннаго общимъ совѣтомъ и общаго согласія спорили, штрафовать..., переочеваевъ, рѣшниковъ и шикаровъ пересматривать, мѣры каждой и вѣсу всякаго

Но „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“, игнорируютъ это раздѣленіе властей и отступаютъ въ этомъ пунктѣ отъ своихъ первоисточниковъ. Войту, по своду, принадлежитъ и административная, и судебная власть; остальные урядники засѣдаютъ также и въ судѣ, и въ городской радѣ. „Войтъ, яко есть начальникъ и судія гражданъ,—читаемъ мы тутъ,—имѣетъ власть тѣмъ городомъ править, градскіе порядки всякіе устревать, однакъ; съ совѣтомъ другихъ урядниковъ и знатнѣйшихъ мѣщанъ въ пользу общенародную гражданскую имѣтъ же ко всякому добросклонность и не возбранный къ себѣ приходъ позволять, а вѣдомства своего мѣщанъ, а найпаче

съѣстнаго и напитки и всякой кушн, чтобъ мѣры были подъ мѣскимъ знакомъ; кон тотъ, на которомъ мѣскій урядъ залежатъ, съ двумя райцами часто пересматривать повинь, а по крайности разъ въ мѣсяцъ“; или далѣе: „райцы присягать должны на каждый годъ и всякаго разоренія въ мѣстахъ не допускать, сиротъ и вдовъ утѣшенныхъ въ справедливости защищать, игралицъ вредительныхъ и неучтивыхъ, картъ, костей и другія обманныя игры запрещать и искоренять“. (Библиотека А. Ѡ Князьковскаго, XIII). Если мы сравнимъ ихъ съ соотвѣственными мѣстами книги Порядка, то окажется полное сходство содержания (ср. стр. 12—14). Эти отрывки даютъ намъ полное понятіе объ обязанностяхъ городской рады, въ составъ которой входили бурмистры и радцы: войтъ, по той же книгѣ Порядка, является въ качествѣ *judex sen praefectus judicii*; *przeto*,—говоритъ далѣе авторъ Порядка,—у z niemec wielekroć gdy woytowie swoimъ imieniemъ listy piszą, nie kłada, advocatus, ale *jūdex juratus civitatis*“; говоря объ обязанностяхъ войты, авторъ Порядка останавливается исключительно на его судебной функціи (стр. 16); то же мы видимъ и въ его присягѣ (стр. 17); лавники являются здѣсь въ видѣ присяжныхъ: „*przy siężnicy abo lawnicy są persony*, говорится тутъ, *na sądzie siedzące ktorzy wyslyszawszy a dobrze wyrozumiawszy sprawę obudwu stronъ sentencya sedziemu przez swoje porzą dne wota najuđu...*“ (стр. 22). Въ Саксоніи обязанность бурмистра описывается такъ: „*sądzić niesprawedliwe miary abo kwarty, wagi, korca y wszystkie rzeczy do iedzenia y picia przedayne. Także iesliby kto maly chlebъ pieklъ abo strawne rzezy niezdrowe y niewarunkowne przedawal. Przekupstwa też onъ sądzie ma, oktorychъ y со za wina ichъ masz niżej wъ slowieъ przekupienъ (Speculum Saxonum, p. 35); въ Магдебургѣ райцы присягали: „aby mieyskiejъ uczciwosci, pożytkow, dochodowъ y prawъ zъ pilnoscią jakoъ najlepiej mogą y umieją zъ radą y zъ pomocą starszychъ przestrzegali, a tegonie opuszczali dla miłości, przykrosci гниеву, даровъ, takъ ie panъ Bogъ wspomaga y święci jego“ (p. 311); „*rause*, говорится далѣе, *też mogą sądzić wszelaki miary, kwarty, wagi y wszystkichъ sniegnychъ y pitnychъ rzezy falzowanie*“; за нарушение ихъ уставовъ полагается 3 гривны штрафа (p. 311). О лавникахъ здѣсь говорится то же, что и въ Порядкѣ (оба автора пользуются латинскимъ изданіемъ *Speculum Saxonum*, pp. 183—184). 1-я книга „Хелминскаго права“ посвящена характеристикѣ дѣятельности городской рады, а 2-я коллегіи лавниковъ (то-есть, суда) (см. pp. 1—5 и 5—22). Лишь только въ городѣ было введено магдебургское право, сейчасъ же мѣщане выбрали пановъ и лавниковъ (pp. 1)..*

вдовъ и сиротъ отъ обидъ и озлобленій охранять со всякою ревностію, непослушныхъ же и преступныхъ штрафовать и наказывать и во всемъ поступать съ разсмотрѣніемъ управно по своему званію, какъ надлежитъ доброму и бодрому градоначальнику, да по сему жи во всемъ примѣряться надлежитъ и другимъ магистратовымъ членамъ и урядникамъ, яко то бурмистрамъ, райцамъ и лавникамъ¹⁾).

Забота о городскомъ благоустройствѣ лежала на всѣхъ членахъ магистрата. „Магистратовіе урядники, коликимъ числомъ ихъ въ которихъ городахъ за обычай бываетъ, должны, ежедневно сходясь въ ратушѣ, имѣть совѣтъ и старательство о всякомъ добромъ состояніи градскомъ; ссоры, распри и драки, которые къ немалымъ народъ приводять озлобленіямъ, усмирять, корысти и прыбыли ратушныя размножать: къ тому жъ придежно надсматривать и предоберегать, чтобъ съѣстныхъ и питейныхъ всякія вещи въ народѣ продавали съ пропорціальною цѣною, а продавщикамъ излишнею цѣною себѣ въ прибыль, а въ убытокъ общенародный всякихъ харчевыхъ вещей продавать не допускать, а кто съ тѣхъ продавщиковъ противно сему поступать будетъ, онаго за первое, второе и третье въ томъ преступленіе по разсмотрѣніи: наказать, а если и за третьимъ разомъ не исправится, то его отъ того, чимъ бы онъ торговалъ, отставить и впредь ему тѣмъ торговать вовсе запретить“²⁾. Затѣмъ слѣдуютъ еще цѣлый рядъ другихъ параграфовъ, разъясняющихъ и опредѣляющихъ тѣ же административно-полицейскія обязанности магистратскихъ урядниковъ. Они обязаны были регулировать цѣны на съѣстные припасы³⁾, наблюдать за единообразіемъ и точностью мѣръ и вѣсовъ⁴⁾ и записывать въ особую книгу цѣны на товары, запрещать игры—рѣли, кулальные огни, костирство (игру въ кости), кулачные бои, вечерничныя сборища (то-есть, „вечерницы“), арестовывать бродягъ и нищихъ, пьяницъ, буяновъ и блудниковъ, заботиться о постройкѣ и исправ-

¹⁾ „Права“, стр. 760—761.

²⁾ „Права“, стр. 761.

³⁾ На всѣ съѣстные припасы и мелкіе товары (крашніе вещи) должна была быть назначена такса, отъ которой не могла отступать ни продавцы, ни покупатели (ibidem, стр. 762—763).

⁴⁾ Мѣры и вѣсы въ Малороссіи отличались крайнимъ разнообразіемъ и неустойчивостію: они перешли, какъ наслѣдство, отъ Польши. Теперь кодификаторы дѣлаютъ попытку ввести русскій государственный вѣсъ (пуды, фунты и лоты), мѣры сыпучихъ тѣлъ (четверти, четверики и гарницы), жидкихъ (ведра, гарницы, кварты) и длины (аршины и вершки). (Ibidem, стр. 761—762).

номъ содержаніи мостовъ, о поддержаніи въ городѣ чистоты ¹⁾ и, наконецъ, принимать мѣры противъ пожаровъ. Мѣры эти подробно указаны въ Сводѣ ²⁾ и позаимствованы главнымъ образомъ изъ книги Порядка. Въ артикулахъ права магдебургскаго мы находимъ особый параграфъ, посвящій заглавіе „*Nauka czasu przugody ogniowej*“, или иначе „*nauka a sposob bronienia czasu przugody zley ogniowej*“ (Artykuły, pp. 97—105). Вотъ этотъ-то параграфъ въ сокращенномъ и измѣненномъ видѣ и вошелъ въ Сводъ.

Таковы были постановленія Свода, опредѣлявшія хозяйственно-полицейскія обязанности городскихъ урядниковъ. Они взяты почти цѣликомъ изъ руководящихъ книгъ магдебургскаго права, но только въ нихъ внесены кое-какія измѣненія, вызванныя новымъ строемъ политической и общественной жизни Малороссіи со времени воссоединенія ея съ Великою Россіей.

Спрашивается теперь, въ какой мѣрѣ они примѣнялись на практикѣ, и какова была хозяйственно-полицейская дѣятельность магистратовъ въ дѣйствительности. Архивныя данныя, не смотря на свою разрозненность, даютъ намъ, кажется, право высказать положеніе, что дѣятельность магистратовъ приблизительно удовлетворяла тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялъ къ нимъ Сводъ. Они дѣйствительно заботились о собираніи доходовъ въ городскую „скринку“ (о чемъ мы

¹⁾ Въ постройкѣ большихъ мостовъ на главныхъ улицахъ или при въѣздахъ должны были участвовать и всѣ уѣздные обыватели, „повеже въѣздъ и выѣздъ всѣмъ означеннымъ чинамъ, а не однимъ градскимъ мѣщанамъ нуженъ“; съ этою цѣлью должна быть устроена разверстка (стр. 766); а вотъ не заимствованное изъ Порядка, а самостоятельное распоряженіе Свода о поддержаніи въ городѣ чистоты: „въ чинимъ бы дворѣ или противъ двора на улицѣ какая скотина или бестія здохла, либо была убита; или какой имѣлся смрадь дворовъ, хозяена выводитьъ и навозы изъ дворовъ вывозить должны, а въ томъ самимъ имъ приказывать, а изъ улицъ и другихъ мѣстъ общихъ приѣзжымъ на торги людямъ, которые порожнякомъ выѣзжаютъ на гребли, гдѣ оныя суть, а гдѣ нѣтъ, то за городъ же на опредѣленное мѣсто вывозить должно“ (стр. 767).

²⁾ Дворы города приводились въ извѣстность и дѣлились на десятки и сотни, во главѣ которыхъ стояли десятники и сотники. Они должны были знать, какіе въ каждомъ дворѣ имѣются инструменты для тушенія пожара (топоры, ведра, лубья и т. п.), съ которыми и надо было владѣльцамъ ихъ выѣзжать на пожаръ; на ихъ обязанности было также наблюдать за чистотою трубъ въ домахъ. При ратушахъ нужно было содержать пожарныя инструменты (крюки, лѣстницы, щиты изъ лубковъ), бочки съ водою и стражу, которая бы извѣщала о пожарѣ звукомъ набатнаго колокола и барабаннымъ боемъ (стр. 768—771).

будемъ говорить въ особой главѣ), вели особыя книги, гдѣ обозначались цѣны провіанта и фуража (такія книги въ значительномъ числѣ сохранились въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ и заключаютъ въ себѣ важный матеріалъ для исторіи цѣнъ), принимали непосредственное участіе въ постройкѣ и поправкѣ мостовъ и вели, наконецъ, упорную, хотя и безплодную борьбу противъ страшнаго бича того времени—пожаровъ. Только слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что полицейскія обязанности они дѣлили съ полковыми канцеляріями, при чемъ сфера вѣдомства тѣхъ и другихъ не была точно обозначена; въ результатѣ являлись столкновения, о которыхъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Чтобы не загромождать своего изложенія фактами, я остановлюсь только на устройствѣ пожарной части въ трехъ малороссійскихъ городахъ—Черниговѣ, Полтавѣ и Переяславѣ. Пожарная часть въ Черниговѣ находилась въ вѣдѣніи магистрата. Этотъ послѣдній назначалъ изъ своей среды особаго райцу, которому принадлежало ближайшее завѣдываніе этимъ дѣломъ. Онъ долженъ былъ обязательно присутствовать при тушеніи пожаровъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы цеховые товарищи и мѣщане являлись на пожаръ со всеми необходимыми инструментами. По инструкціи, составленной для райцы, въ каждомъ дворѣ должно быть достаточное количество воды въ бочкахъ, къ крышамъ должны быть приставлены лѣстницы (переметныя и подставныя), а на длинныхъ шестахъ прицѣплены мочалы. Райца обязанъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ хатахъ и кухняхъ „безвременно“ не было огня, чтобы въ трубахъ сажа чистилась своевременно, и всякій домохозяинъ являлся на пожаръ съ ведромъ или топоромъ, смотря по тому, какъ это полагалось по росписанію, выставленному у него на воротахъ. Въ кравецкомъ, шевскомъ, рѣзницкомъ и перенечайскомъ цехахъ должны были находиться слѣдующіе инструменты: по 3 бочки съ водою, по 4 пожарныхъ ведра, по 2 щита, по 2 крюка, по 2 лѣстницы, по 2-е виль; въ ковальскомъ и ткацкомъ—по 2 бочки съ водою, по 2-е виль, по 2 кожаныхъ ведра, по 1-му щиту и по 1-й лѣстницѣ; въ шаповальскомъ и гончарскомъ—по 1-й бочкѣ, по 1-му крюку, по однѣмъ виламъ, по 1-й лѣстницѣ. Съ этими инструментами цеховые товарищи, по заранѣ составленнымъ и одобреннымъ магистратомъ росписямъ, обязаны были являться на пожаръ; неприходившіе подвергались штрафу и наказанію. Кроме того, при самомъ магистратѣ на случай пожара находился еще пожарный обозъ, состоявшій изъ 4-хъ бочекъ, 2-хъ крюковъ, 2-хъ

вилъ, 2-хъ лѣстницъ, 4-хъ пожарныхъ и 10-ти деревянныхъ ведеръ¹⁾).

Объ устройствѣ полиціи въ Полтавѣ даетъ намъ интересныя свѣдѣнія „дѣло о Полтавскомъ магистратѣ“²⁾. До учрежденія въ Полтавѣ магистрата полицейскія обязанности лежали собственно на полковой канцеляріи. Ратуша была простою исполнительницею ея распоряженій. Такъ какъ пожары составляли тогда истинный бичъ для населенія, то полковое начальство не скупилось на изданіе строгихъ предписаній относительно предупрежденія и тушенія пожаровъ. Въ дѣлѣ о Полтавскомъ магистратѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ такихъ указовъ полковника А. Горленка. Для этого главнымъ образомъ была учреждена и должность городничаго, которому была дана особая инструкция. Городничій зависѣлъ отъ ратуши. Онъ долженъ былъ обязать двory и смотрѣть за чистотою и исправнымъ содержаніемъ мостовъ въ городѣ, наблюдать, чтобы послѣ вечерней зари нигдѣ не было огня, и чтобы вездѣ на случай пожара была заготовлена вода, запрещать селянскимъ компанейщикамъ копать ямы и насыпать холмы, здоровымъ нищимъ просить милостыню, владѣльцамъ скота продавать шкуры павшихъ отъ болѣзни животныхъ, слѣдить за правильностью мѣръ и вѣсовъ на ярмаркахъ и за развратными женщинами, чтобы онѣ въ случаѣ беременности не могли умерщвлять своихъ дѣтей, забирать подъ караулъ безпаспортныхъ и строго оберегать колодниковъ. Другая инструкция выдана была смотрителю надъ караулами (значковому товарищу Буцкому). Когда же въ Полтавѣ вмѣсто ратуши былъ учрежденъ магистратъ, то уже по собственному почину онъ устроилъ пожарную часть слѣдующимъ образомъ: Пожарный обозъ его состоялъ изъ 10-ти желѣзныхъ крюковъ, вилъ, 20-ти войлочныхъ щитовъ, 21 бочки съ водою; сверхъ того, въ распоряженіи семи цеховъ (кравецкаго, шевскаго, рѣзницкаго, ткацкаго, ковальскаго, бондарскаго и гончарскаго) было еще 39 бочекъ; въ 40 дворахъ посполитыхъ, подвѣдомственныхъ магистрату, 29 бочекъ и въ 59 дворахъ магистратскихъ урядниковъ и мѣщанъ 59 бочекъ; и того всѣхъ—148 бочекъ, не считая кадовъ и куфъ съ водою, содержащихся для собственной надобности. Въ случаѣ пожара всѣ обыватели являлись съ опредѣленными имъ инструментами: одинъ съ топоромъ, другой съ лопатой и т. п.; у cadaго въ домѣ, сверхъ того,

¹⁾ Черниг. Губ. Вѣд., 1852, № 46.

²⁾ Харьк. ист. архивъ. Полтавское отдѣл. архив. опис. № 100.

была дѣстница. За всѣмъ этимъ наблюдали десятскіе и сотскіе цехмистры, ключники и ходаки, „кои всѣ о пожарномъ случаѣ всякъ надѣ своими подчиненными по приказамъ магистратскимъ смотрѣніе имѣють, а во главѣ ихъ былъ поставленъ городничій, который съ 20-ю человѣками своихъ служителей, опредѣленныхъ магистратомъ, дѣлалъ дневной и ночной обходъ въ городѣ. Должность городничаго была учреждена магистратомъ въ 1758 году независимо отъ должности такого же урядника, находившагося въ вѣдѣніи полковой канцеляріи ¹⁾).

Въ Переяславѣ дѣло обстояло гораздо хуже. Пока магистратъ былъ тамъ независимъ отъ полковой канцеляріи, до тѣхъ поръ пожарная часть была въ его распоряженіи. Но въ 1759 году бывшіе при магистратѣ пожарные инструменты отобраны въ полковую канцелярію, гдѣ и содержались до 1765 года; въ этомъ же году неизвѣстно почему они были переданы въ вѣдѣніе терехтемировскаго сотника и переведены за городъ ²⁾.

Такимъ образомъ, и въ Полтавѣ, и Черниговѣ забота о городскомъ благоустройствѣ лежала на магистратѣ. Въ мѣропріятіяхъ обоихъ городовъ было много сходнаго; но въ частности были и различія; въ Черниговѣ, напримѣръ, пожарною частью завѣдывалъ райца, а въ Полтавѣ — городничій, низшій членъ магистратскаго уряда ³⁾. Порядки, практиковавшіеся въ Полтавѣ, вообще очень близко подходятъ къ тѣмъ требованіямъ, которые мы находимъ въ сводѣ малороссійскихъ правъ; это объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что

¹⁾ Въ слѣдующемъ, 1754 году въ распоряженіи Полтавскаго магистрата были слѣдующіе инструменты: 8 желѣзныхъ крыжовъ, 2 щита, вилы, 26 ведеръ, 21 бочка съ водою, 37 бочекъ при цехахъ на роспускахъ, 15 бочекъ при кievскихъ воротахъ, 29 бочекъ въ четырехъ десяткахъ, 18 щитовъ, 4 упряжныхъ лошади; сверхъ того, въ каждомъ обывательскомъ домѣ было по дѣстницѣ. Во главѣ посаженныхъ было поставлено 4 десятскихъ и 3 сотскихъ; во главѣ мѣщанъ — городничій (Петро Глиняницъ) и 20 служителей, „кои обрѣтаются понедѣльно перемѣною“, 7 цехмистровъ (по числу цеховъ), 7 ключниковъ и 7 ходаковъ, „кои всѣ о пожарномъ случаѣ всякъ надѣ своими подчиненными по приказамъ магистратскимъ смотрѣніе имѣють“.

²⁾ Въ распоряженіи переяславскаго магистрата были слѣдующіе инструменты: 4 желѣзныхъ крыжовъ, 3 вилы, 3 войлочныхъ щита, 2 большихъ деревянныхъ дѣстницы и 5 бочекъ съ хорошими телѣгами (см. мою замѣтку „Состояніе полиціи въ малороссійскихъ городахъ“ *Кievская Старина*, 1882, августъ, стр. 379—382).

³⁾ О городничемъ говорится и въ Сводѣ (см. „Права“, стр. 755). Въ Погарѣ при магистратѣ была также должность городничаго; онъ, между прочимъ, какъ видно изъ одного дѣла, слѣдилъ за паспортами пріѣзжающихъ. См. Харьк. ист. архивъ. Дѣла Малороссе. колл., № 1370.

въ Полтавѣ въ это время только-что возстановлено было магистратское самоуправленіе; мѣщанство поэтому здѣсь сильно заботилось объ освобожденіи отъ полковничьяго присуда и развитіи своихъ собственныхъ учреждений. Въ Переяславѣ, наоборотъ, магистратское самоуправленіе въ XVIII вѣкѣ значительно ослабло сравнительно съ XVII в.; не даромъ изъ вѣдѣнія его изъята была пожарная часть.

Итакъ, магистраты малороссійскихъ городовъ дѣйствительно заботились о городскомъ благоустройствѣ, согласно требованіямъ Свода, но только, къ сожалѣнію, мы не можемъ точно опредѣлить роли въ этомъ дѣлѣ ихъ отдѣльныхъ членовъ. Войтъ несомнѣнно имѣлъ тутъ руководящее значеніе (это видно, напримѣръ, изъ дѣла о Полтавскомъ магистратѣ); ближайшее наблюденіе поручалось райцѣ; но имѣли ли къ полиціи какое либо отношеніе лавники, мы не знаемъ, хотя склоны думать, что *могли* имѣть, такъ какъ строгаго раздѣленія административной и судебной дѣятельности и власти тогда не существовало; иначе говоря, мы предполагаемъ, что было такъ, какъ установилъ Сводъ, ибо составители его, отступая отъ руководящихъ книгъ магдебургскаго права, могли руководствоваться не чѣмъ инымъ, какъ только живою дѣйствительностью. *Кромѣ того* (и это важнѣе всего), *въ составъ судей входили также все члены магистрата.*

Къ судебной функціи магистратовъ мы теперь и обращаемся. Судъ, по Саксону и Порядку, находился въ рукахъ войта и лавниковъ. Сводъ правъ отступаетъ въ этомъ пунктѣ отъ своихъ источниковъ: онъ постановляетъ, чтобы въ магистратскомъ судѣ засѣдали все урядники — войтъ, бурмистры, райцы, лавники и, конечно, писарь; впрочемъ, судъ могъ состояться, еслибы магистратскіе урядники собрались и не въ полномъ числѣ, лишь бы только ихъ было не менѣе 5, а въ ратушахъ не менѣе трехъ. Судъ долженъ былъ происходить въ зданіи магистратскомъ (ратушѣ) ежедневно, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней (хотя въ экстренныхъ случаяхъ можно было назначать судебное засѣданіе и въ эти дни). Судить во всякихъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ нужно было на основаніи закона. Въ „криминальных“ дѣлахъ обязательно было представлять рѣшенія на утвержденіе высшей инстанціи, не довольные могли туда же подавать свои апелляціи; жаловаться на войта можно было только въ высшій судъ, а на остальныхъ урядниковъ въ магистратскій; войтъ могъ подавать челобитныя о своихъ обидахъ также въ магистратскій судъ, но самъ при рѣшеніи своего дѣла не долженъ былъ предсѣдательствовать на судѣ. Сфера вѣдомства магистратскаго суда распростра-

лась на мѣщанъ и посполитныхъ, обитавшихъ въ городѣ. Апеллировать нужно было въ полковой судъ или полковую канцелярію; если же магистратъ былъ исключенъ изъ-подъ юрисдикціи ихъ, то туда, куда это было опредѣлено ¹⁾. Вотъ всѣ важнѣйшія постановленія Свода о магистратскихъ судахъ. Провѣримъ ихъ фактами живой дѣйствительности, тѣми данными, которыя доставляютъ намъ судебныя рѣшенія ²⁾.

Засѣдали въ судѣ дѣйствительно представители всѣхъ коллегій—войтъ, райцы, бурмистры, лавники и писарь, хотя полный комплектъ былъ, повидимому, не обязателенъ. Въ Стародубовскомъ магистратскомъ судѣ въ XVII в. присутствовали войтъ, бурмистры, райцы, лавники и нѣкоторые представители мѣстнаго козацкаго уряда (полковникъ, полковой судья, полковой сотникъ); магистратскіе урядники называются „рочне засѣлыми радными“ ³⁾. Въ нѣжинскомъ магистратскомъ судѣ мы видимъ ледвойта, старшаго бурмистра, замѣнявшаго войта, лавниковъ, райцевъ; къ нимъ присоединялись полковой эсаулъ, сотникъ, городской атаманъ ⁴⁾. Въ составъ остерекаго магистратскаго суда входили войтъ, бурмистръ, старшіе и младшіе райцы, а также сотникъ и городской атаманъ; впрочемъ, иногда здѣсь засѣдали одни мѣщанскіе урядники ⁵⁾. Однихъ магистратскихъ урядниковъ мы замѣчаемъ и въ черниговскомъ городскомъ судѣ ⁶⁾. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что присутствіе въ магистратскомъ судѣ козацкихъ урядниковъ не было необходимо; объясняется же оно, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что лица, обращавшіяся въ этотъ судъ, принадлежали къ различнымъ общественнымъ группамъ, въ томъ числѣ и къ козачеству. Говоря это, мы не отрицаемъ вліянія козацкаго уряда на магистратскій судъ; въ меньшихъ второстепенныхъ городахъ (например, Острѣ) это вліяніе было очень сильно. Въ Стародубѣ, какъ это доказано А. М. Лазаревскимъ, полковники страшно злоупотребляли своею

¹⁾ „Права“, стр. 756—758; 82—83.

²⁾ Рѣшенія Стародубскаго и Нѣжинскаго магистратскихъ судовъ XVII вѣка напечатаны А. М. Лазаревскимъ; затѣмъ мы имѣли въ своемъ распоряженіи не изданные протоколы Стародубскаго магистрата и Полтавской ратуши конца XVII и начала XVIII в.

³⁾ Протоколы Стародубскаго магистрата конца XVII и начала XVIII вѣка (Харьк. ист. архивъ. Дѣла Малоросс. колл., № 1921).

⁴⁾ Отрывки изъ Нѣжинокъ магистратскихъ книгъ, изд. А. М. Лазаревскимъ, (1657—1674 г.). Ч. 1887 г.

⁵⁾ Обзор. Рум. оп. Малоросс., выи. IV, 4—7, 23.

⁶⁾ Ibidem., стр. 48, 55.

властью. Но едва ли правъ почтенный исследователь, когда утверждаетъ, что тамъ магистратъ не пользовался никакой самостоятельностью въ сферѣ суда ¹⁾.

Магистратскій судъ вѣдалъ гражданскія и уголовныя дѣла до самыхъ тяжкихъ преступленій включительно; прямо подвѣдомственны ему были только мѣщане и посполитые; но въ качествѣ челобитчиковъ на мѣщанъ и посполитыхъ являлись и лица другихъ сословій; они же вносили въ магистратскія книги всякіе акты—о куплѣ, продажѣ, наследствѣ и т. п. Въ 1704 году, на примѣръ, въ стародубскія магистратскія книги вписалъ купчую крѣпость на свое имѣніе войсковой товарищъ Пилипъ Хромченко ²⁾. Въ нѣжинскія книги внесено уступное письмо 1657 года козака Юська Кузьки на имѣніе его, проданное священнику протопопу о. Максиму Филимоновичу ³⁾. Въ Стародубовскій магистратъ явился въ 1692 году съ челобитьемъ козакъ стародубовской сотни Васильо Михайловичъ, обвиняя нѣкоего Романа Терехова въ кражѣ шкатулки съ деньгами ⁴⁾; передъ магистратскимъ судомъ фигурировали евреи, новокрепченые, цыгане. Въ сферу гражданскихъ отношеній входятъ многочисленныя записи о продажѣ лошадей, вызывавшіяся, конечно, частыми случаями конокрадства; интересны дѣла о раздѣлѣ имущества; записывались въ книги условія, на которыхъ родители отдавали своихъ дѣтей въ науку ремесленникамъ; такъ, Арина Федоровна Тишковая отдала своего сына на 10 лѣтъ учиться „шаповальскому“ ремеслу у Ивана Савельевича Козкина; по истеченіи же этого срока хозяинъ долженъ былъ отпустить своего ученика и дать ему „свиту, чтоботы-пришвы и шапку“. Магистратъ принималъ мѣры къ охранѣ имущества малолѣтнихъ отъ незаконной растраты его. Встрѣчаемъ мы поручительство по должникамъ и такъ называемыя „заруки“, то-есть, заклады: въ обезпеченіе долга заимодавецъ получалъ отъ своего должника впредь до уплаты долга какое нибудь его недвижимое имѣніе ⁵⁾. Уголовныя дѣла касались нарушеній правъ собственности и насилій надъ личностью. Рѣзко выдѣляются изъ общей массы дѣла о конокрадствѣ; часты случаи побоевъ, иногда взаимныхъ и т. п. Апеллировать въ половинѣ XVIII вѣка нужно было прямо въ генеральный войсковой судъ, такъ какъ

¹⁾ Описаніе старой Малороссіи, стр. 118.

²⁾ Харьк. ист. архивъ. Дѣла Малоросс. колл., № 1921.

³⁾ Отрывки изъ Нѣжинскихъ магистр. книгъ, стр. 3.

⁴⁾ Харьк. ист. архивъ. Дѣла Малоросс. колл., № 1921.

⁵⁾ Ibidem.

въ это время магистраты были освобождены отъ подчиненія полковымъ судамъ и канцелярiямъ. Но соблюдалось ли правило Свода, чтобы всякое рѣшенiе магистратскаго суда по „криминальному дѣлу“ восходило на утвержденiе высшей инстанци, не извѣстно; скорѣе, что нѣтъ; по крайней мѣрѣ, раньше (въ XVII в.) магистратскiй судъ, повидимому, немедленно приводилъ въ исполненiе свои постановленiя, даже въ случаѣ присужденiя преступника къ смертной казни, какъ это видно изъ протоколовъ Стародубовскаго магистрата. Въ качествѣ истцовъ выступали передъ магистратскимъ судомъ въ XVII в. бурмистры и даже самъ войтъ ¹⁾; такимъ образомъ, Сводъ въ данномъ случаѣ утвердилъ то, что существовало давно уже на практикѣ.

Но важнѣе всего для насъ разрѣшить тотъ вопросъ, по поводу котораго существуютъ такiя сильныя разногласiя въ исторической литературѣ: чѣмъ руководствовались магистратскiе суды въ своихъ приговорахъ—руководящими ли книгами магдебургскаго права, или обычнымъ правомъ? А. О. Кистяковскiй привелъ цѣлый рядъ ссылокъ на Саксонъ Щербича и Порядокъ Гронцакаго, сдѣланныхъ судьями Полтавской ратуши, Нѣжинскаго магистратскаго и генеральнаго войсковаго суда въ своихъ приговорахъ и рѣшенiяхъ. Что эти ссылки сдѣланы не наобумъ, видно изъ того, что въ нихъ нерѣдко указываются страницы сочиненiя ²⁾, а иногда приводится и самый текстъ въ русскомъ изложенiи ³⁾. Изъ фактовъ, приведенныхъ А. О. Кистяковскимъ, мы присоединимъ еще нѣкоторые другiе. Въ книгѣ Полтавской городской ратуши, гдѣ помѣщены рѣшенiя съ 1691 года, мы находимъ ссылки и на Литовскiй Статутъ, и на ручныя книги магдебургскаго права ⁴⁾. Въ дѣлѣ объ убiйствѣ Мирона

¹⁾ См. „Протокуль до записыванья справъ поточныхъ на рокъ 1690“. Ч. 1852 г.

²⁾ Къ сожалѣнiю, проверка ихъ затрудняется тѣмъ, что у насъ нѣтъ подъ руками всѣхъ изданiй Саксона и Порядка, а въ ссылкахъ не указывается изданiе; впрочемъ, мы все-таки нашли полное совпаденiе въ рѣшенiи по дѣлу пивовара (*Кистяковскiй*, стр. 84); судьи ссылаются на 227 листъ 4-й части Порядка, и дѣйствительно, на этой страницѣ говорится о „карности чужоложниковъ“ (ср. *Porząddek*, Краковское изданiе 1629 года, ст. 4, стр. 227); точно также и въ дѣлѣ о Сем. Погребеннѣ (*Кистяковскiй*, стр. 85), обвиняемомъ въ чародѣйствѣ, приводится правильная ссылка на Хелминское право, книгу 5-ю, раздѣлъ 62-й: здѣсь дѣйствительно говорится о чаронникахъ. (См. *Spec. Sax.*, изд. Варшавское, 1646 г., Хелминское право, стр. 71).

³⁾ Ср. *Кистяковскiй*, стр. 86, и *Porząddek*, право цесарское, стр. 56—57.

⁴⁾ Эта книга находится въ библиотекѣ покойнаго проф. А. О. Кистяковскаго (XIII отд., № 38) и носитъ слѣдующее заглавiе: „Сiя книга мѣская полтавская за

Баланденка Романомъ Чамаронкомъ (1692 г.) судьи въ декретѣ своемъ приводятъ текстъ Литовскаго Статута и Саксона. „Яко въ Саксонѣ текстъ опѣваеть, артикуль 59-й, на листѣ 237-мъ о мужебойствѣ: „если бы кто другого ранилъ албо забилъ, и такъ ранного албо забитого до суду поставилъ, хотячи его яко квалтовника поконати, а усталъ би въ доводѣ, тамъ же самъ маеть бити пойманъ и застане виненъ въ томъ, що на оного ранного албо забитого наносилъ, а хочъ бы онъ забитій билъ бенкартомъ кукиѣромъ, теде предся не маеть быти поровненъ збойци албо злодѣви, если на тотъ часъ не билъ збойцею албо злодѣемъ и чимъ тотъ збойца ближнему своему зашкодилъ, тѣмъ и самъ маеть быти поконанъ“, той же винѣ подлеглимъ оставъ и Ромаць Чамаренко“¹⁾. Въ дѣлѣ объ изнасилованіи дѣвницы Пасты Лишихи Гавриломъ Кондратенкомъ мы также находимъ ссылку на Саксонъ: „схилившись до рады нашею товариское винайшлисмо декретъ въ Саксонѣ польскомъ въ правахъ магдебургскихъ о квалтованье невѣсты албо панни, гдѣ обширне опѣваеть, ижъ таковой квалтовникъ за оказаньемъ слушнаго доводу и певнихъ знакомъ мѣсть быти стягъ. а навязка квалтованимъ подлугъ стапу ей въ имѣніа того, хто тое учипивъ платити маеть“²⁾. Въ рѣшеніяхъ нѣжинскаго магистратскаго суда мы находимъ ссылки и на Статутъ, и на Саксонъ иногда въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ („до права писаного въ Статутѣ о цыганахъ прихляются“), а иногда и съ указаніемъ страницъ. Такъ, въ дѣлѣ Вовди Панасовны онъ ссылается на 22-й артикуль 11-го раздѣла Литовскаго Статута, на 165-ю карту Саксона и на 132-ю карту Порядка, въ дѣлѣ Феньки Сидорихи на 3-й артикуль 15-го раздѣла Литовскаго Статута³⁾.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ нѣтъ прямыхъ ссылокъ на законы: ихъ, очевидно, трудно было подбирать; мы не отрицаемъ возможности и такихъ случаевъ, когда судьи вовсе не затрудняли себя подыскиваніемъ необходимыхъ цитатъ или ставили ошибочныя. Многіе приговоры отличаются суровостью наказа-

вѣдомомъ и росказаньемъ его мил. п. Павла Семеновича полковника Войска ихъ Царскаго пресв. Вел. Запорожскаго Полтавскаго, снаряженная въ потомные часы для писанья розныхъ справъ року 1691 года мѣсяца сентевріа 11“; ему, повидимому, онъ не успѣлъ воспользоваться при изданіи „правъ, по которымъ судитса малоссійскій народъ“.

¹⁾ Ibidem, стр. 15—17.

²⁾ Ibidem, стр. 32—34.

³⁾ Отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ, изд. А. М. Лазаревскимъ, стр. 14, 25, 65—66.

ній, и въ этомъ былъ виноватъ главнымъ образомъ самъ кодексъ, дышавшій средневѣковою жестокостью. Литовскій Статутъ, къ которому, какъ мы видѣли, часто прибѣгали магистратскіе суды, не могъ смягчать этихъ наказаній, потому что и его постановленіи относительно людей „простаго стану“, каковыми являлись мѣщане и посполитые, не отличались мягкостью. И вотъ мы видимъ, что стародубовскій магистратскій судъ присуждаетъ за изнасилованіе къ смертной казни (согласно съ постановленіями магдебургскаго права), а за блудъ и воровство къ тѣлесному наказанію и изгнанію изъ города ¹⁾; Нѣжинскій магистратъ за кражу лошадей велѣлъ повѣсить трехъ цыганъ, а простую кражу денегъ съ коморы наказалъ тѣлеснымъ наказаніемъ, урѣзаньемъ уха (любимое членовредительство магистратскихъ судовъ) и изгнаніемъ изъ города ²⁾. Въ процессѣ употреблялась пытка—прижиганье раскаленнымъ желѣзомъ ³⁾.

Но формализмъ и суровость чужеземнаго права, застывшего въ своемъ содержаніи и не смягчавшагося сообразно съ новыми условіями жизни, должны были во многихъ случаяхъ смущать совѣсть судей. Эти послѣдніе взяты были непосредственно изъ народной среды и знали гораздо лучше народные юридическіе обычаи, чѣмъ законъ. Являясь судьями по совѣсти и убѣжденію, они естественно готовы были перейти на сторону обычая въ томъ случаѣ, если между нимъ и закономъ выходило разногласіе. Если же они хотѣли оставаться на строгой формальной почвѣ, то имъ приходилось считаться съ воззрѣніями и взглядами тяжущихся сторонъ, которыя въ массѣ оказывались самыми надежными хранителями обычая и традиціи. При томъ самъ законъ (въ руководящихъ книгахъ магдебургскаго права) признавалъ силу и законность обычая. Такимъ образомъ, указаніе Свода 1743 года о необходимости магистратскимъ судьямъ опираться въ своихъ рѣшеніяхъ исключительно на законъ должно быть понято въ томъ смыслѣ, что они не могли постановлять произвольныхъ приговоровъ. И Сводъ допускалъ наравнѣ съ закономъ обычай, какъ правовую норму ⁴⁾. Примѣненіе обычая мы видимъ какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ процессахъ. Приведемъ изъ судебныхъ рѣшеній тѣ случаи,

¹⁾ Харьк. истор. архивъ. Дѣла Малоросс. колл., № 1921.

²⁾ Отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ, стр. 14—16.

³⁾ Харьк. ист. архивъ. Дѣла Малоросс. колл., № 1921.

⁴⁾ См. А. С. Кистяковскій, стр. 100, 107—108.

въ которыхъ онъ проявился болѣе или менѣе осязательно. Въ дѣлѣ объ убійствѣ козака Сидора козакомъ Гавриломъ Тарасенкомъ вдова покойнаго подала жалобу на убійцу въ иѣжинскій магистратскій судъ, но просила только объ обезпеченіи изъ имущества его своихъ сиротъ, смертной же казни не требовала, „поневожъ и небожчикъ (то-есть, покойникъ) Сидоръ, сходячи съ сего свѣта, простилъ при людехъ, то-есть, при Леску Красносельскомъ, при Шцку, Довбнѣ, Тимошу Савенку, козакахъ того жъ села; едно упоминалъ, абы по его душѣ двѣ належитіе духовніе церковніе одправы слушне поодправовалъ“. Обвиняемый сознался въ своемъ преступленіи, заявилъ, что онъ учинилъ его въ пьяномъ видѣ, во время ссоры, „шаблею сквозь двери“ и только усиленно просилъ о милосердіи и давалъ обѣщаніе выплачивать дѣтямъ согласно рѣшенію суда. Тѣмъ не менѣе судъ, „прихилиючись до правъ писаныхъ“ (то-есть, Литовскаго Статута), присудилъ убійцу къ смертной казни и уплатѣ изъ имѣнія его головщины въ размѣрѣ 150 золотыхъ¹⁾. Здѣсь мы имѣемъ любопытное столкновение *обычая съ закономъ*. Для народа преступленіе было явленіемъ частнаго, а не общественаго права: потерпѣвшій считаетъ возможнымъ *простить своего убійцу*, дѣлаетъ это при свидѣтеляхъ, дабы придать своему дѣянію формальный характеръ, входитъ, такъ сказать, въ частную сдѣлку съ противною стороною. Но судъ не принялъ этого во вниманіе, или, правильнѣе говоря, отвергъ эту сдѣлку, какъ незаконную, и, стоя на почвѣ закона, произнесъ слишкомъ суровый, можно даже сказать, несправедливый приговоръ (если только вѣрно, что Тарасенко закололъ своего односельчанина въ запальчивости и пьяномъ видѣ). Намъ, впрочемъ, не извѣстно, былъ ли приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе. Въ другомъ случаѣ судъ смягчилъ наказаніе согласно просьбѣ потерпѣвшей. Это именно въ дѣлѣ объ изнасилованіи Насти Лишихи Гавриломъ Кондратенкомъ. Приведа выдержку изъ Саксона, которая назначала смертную казнь виновнику (выше мы познакомили съ ней читателей), судъ постановилъ на самомъ дѣлѣ очень мягкій приговоръ: Гаврило долженъ былъ „во всемъ перепросить“ потерпѣвшую и ея мать (то-есть, извиниться передъ ними) и наградить ихъ изъ своего имѣнія²⁾, и это потому, что „акторъ

¹⁾ Отрывки изъ Иѣжин. маг. книгъ, стр. 65—66.

²⁾ Сейчасъ за приговоромъ помѣщенъ и „реестръ, що далъ Гаврило Кондратенко, навязки той згвалтованной Настѣ дѣвчынѣ Семеновнѣ: 50 золотыхъ грошей,

ская сторона его горломъ даровала“, то-есть (буквально), отъ смертной казни потерпѣвшая освободила. Тутъ смягченіе наказанія является прямымъ непосредственнымъ результатомъ соглашенія между тяжущимися сторонами. Еще болѣе интересенъ случай полной отгѣны наказанія за убійство въ виду просьбы вдовы потерпѣвшаго. Козакъ Мартынь Леоновичъ нанесъ пьяному Исааку Отрохову тяжкіе побои, отъ которыхъ тотъ и умеръ (сначала билъ кулаками, а потомъ „успектомъ“); вдова отказалась преслѣдовать виновнаго, отказалась даже отъ части пахатнаго поля, которую ей предлагалъ судъ, и просила только, чтобы виновный „поведналъ священника на проводъ за душу небожика и щобы довги небожика расплатилъ, що кому винно“; желаніе ея было исполнено. Здѣсь насъ поражаетъ высокое нравственное достоинство вдовы покойника: она заботится только о его душѣ и сохраненіи доброй памяти о немъ; она отказывается отъ того, чѣмъ считалъ справедливымъ обезпечить ее судъ. Въ другомъ дѣлѣ (смерть отъ тяжкихъ побоевъ) сынъ потерпѣвшаго официально передъ судомъ отказывается преслѣдовать виновнаго. Отецъ его умирая говорилъ: „отъ его харьковухъ рукъ на смерть иду, но прошу дѣтей своихъ не выступать противъ него съ обвиненіемъ: пусть разсудитъ меня съ нимъ Господь Богъ“. Въ виду этого и сынъ передъ урядомъ заявилъ: „зренагося права и доходить вѣчне не хочу“. Но уголовныя преступленія всеже нарушали интересы не только тѣхъ лицъ, противъ которыхъ были направлены, но и всего общества; этого въ нѣкоторыхъ, но крайней мѣрѣ, случаяхъ не могъ не сознавать и судъ. Вотъ почему онъ не всегда соглашался утвердить частныя сдѣлки обвиняемаго и обвинителя. Такъ было, напримѣръ, въ дѣлѣ замуженной мѣщанки Вовди Папасовны, изнасилованной парубками. Смертная казнь имъ была замѣнена тѣлеснымъ наказаніемъ, урѣзаньемъ уха и изгнаніемъ изъ города, не смотря на то, что потерпѣвшая добивалась только „нагороженья шкодь, гвалту и выкладовъ“. Но судъ не согласился ограничить наказаніе только денежною пеней, „забѣгаючи злой роспусты“, и, конечно, былъ правъ въ этомъ случаѣ, потому что

постели, лужники и 2 подушки, 3 сорочки, 2 пары чоботъ, одни червоніе, другіе черніе, 2 жупана, едень коруновій, другій шиптуховій, 3 намѣтки, 2 пояса, едень штуловій, а другій черчатій, запаску и китыкъ“; насъ не должно удивлять то обстоятельство, что виновный какъ бы откупается отъ наказанія: тогдашнее законодательство (Лит. Статутъ) за большинство преступленій назначало денежный штрафъ.

преступленіе ничѣмъ не было вызвано и носило очень жестокой характеръ: ѣхали спокойно двѣ женщины; вдругъ одну изъ нихъ, ударяютъ обухомъ по головѣ и затѣмъ насилуютъ¹⁾... Иногда судъ, даже по собственной инициативѣ, смягчалъ наказанія. Такъ было, повидимому, въ дѣлѣ о покражѣ Степаномъ Якубенкомъ лошади у своего хозяина козака Демьяна Филоненка; смертную казнь ему замѣнили такимъ же наказаніемъ, къ какому присудили обвиняемыхъ по дѣлу Вовди Панасовны²⁾.

Формализмъ писаннаго права ослаблялся участіемъ въ процессѣ, въ активной роли слѣдователей, самого населения. Здѣсь мы также видимъ ясное проявленіе обычнаго права. Чрезвычайно характерно съ этой точки зрѣнія дѣло объ убійствѣ Тимоха Пильна, погарскаго обывателя. Отецъ убитаго самъ розыскивалъ убійцу („*шляковалъ забойцу*“, по выраженію акта) и въ селѣ Азаровкѣ нашелъ коня своего сына у Васьки Скакуна, который купилъ его у какого-то Яремы Азаровца, а тотъ „*далъ отъ себе выводъ*“, что купилъ у Васьки Михайлова; этотъ же послѣдній не могъ „*дати слушаню выводу предъ всею Азаровскою козаковъ и постолитыхъ громадою*“; и вотъ его, яко злодѣя, по сельскому обычаю водили за шю и привезли въ тюрьму въ Стародубъ; тутъ противъ него свидѣтельствовали азаровцы „*атаманъ и войтъ зъ мужами*, излагая допросъ свой обвиняемому; тутъ же они заявили „*згодними голосами*“, что ничего добраго *о немъ сказать не могутъ*, и просили, чтобы онъ въ одномъ селѣ съ ними не жилъ³⁾. Здѣсь несомнѣнно мы имѣемъ остатокъ стариннаго древнерусскаго процесса, вылившася въ Южной Руси въ форму такъ называемыхъ конныхъ или купныхъ судовъ. Хотя это слово тутъ и не упоминается, но вся обстановка слѣдствія, такія выраженія, какъ „*мужи*“, „*шляковалъ забойцы*“, свидѣлствуютъ о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ „*купой*“, выступившей вмѣстѣ съ обвинителемъ въ роли слѣдователей и свидѣтелей. Интересно здѣсь прямое указаніе на сельскій *обычай* водить за шею преступника. Указанный случай вѣдшательства „*громады*“ въ судебный процессъ далеко не единственный. Конные суды имѣли значительное распространеніе и въ Лѣвобережной Малороссіи, какъ это доказано въ статьѣ А. Н. Ефименко. Къ тѣмъ

¹⁾ Отрывки изъ Нѣж. магистр. книгъ, стр. 23—26.

²⁾ Ibidem., стр. 16—17.

³⁾ Харьк. истор. архивъ. Дѣла Малоросс. колл., № 1921.

фактамъ, которые приведены г-жей Ефименко, слѣдуетъ присоединить еще одинъ, заключающійся въ протокулѣ Стародубовскаго магистрата 1688 года. У стародубовскаго лавника Григорія Буяна случилась пропачка: было уворовано у него въ с. Дѣдовѣ съ винницы 2 казана. При освидѣтельствovanіи винокурни нашли пожъ, который предъявили собравшейся купѣ; здѣсь сынъ Наума, москаля, заявилъ, что ножъ этотъ принадлежитъ дѣдовскому обывателю Василю Ивановичу; „я съ нимъ самъ въ лѣсу былъ, говорилъ огъ, и хлѣбъ имъ рѣзалъ“; заподозрѣннаго Василя взяли съ купы и препроводили на „урядъ магистратскій“. Обвинителемъ выступилъ потерпѣвшій, заявившій, что Василій не разъ и прежде попадался въ кражѣ. Другой разъ собиралась „купа изъ мужей“, когда найдено было мертвое тѣло (рудника Гарасима). При существованіи обычая возбуждать процессъ самому потерпѣвшему или его близкимъ, естественно, что обществу принадлежала руководящая роль въ изслѣдованіи преступленія; при томъ слѣдственная часть была организована очень слабо; она дѣйствовала чаще всего по указаніямъ потерпѣвшихъ. Правда, для осмотра ранъ посылались лавники, „мѣскіе присяжные слуги“ и „цилюрики“; но дѣятельную роль играли и постороннія лица, не принадлежавшія къ составу суда. Любопытно по тѣмъ мѣстамъ, которыя были употреблены для открытія кражи, дѣло Яцка-кравца. Въ качествѣ свидѣтеля былъ вызванъ дячокъ Мартинъ, начальникъ Рождественской школы, въ которой, повидимому, обучался Яцко. Лавникъ и „мѣскій слуга“ ходили въ тому мѣсту, гдѣ на снѣгу были видны слѣды ногъ похитителя; на слѣдствіе добровольно явился свидѣтель, который указалъ на обстоятельство, сильно скомпрометировавшее обвиняемаго. Всѣ члены общества были заинтересованы въ открытіи преступника, который, оставшись безнаказаннымъ, могъ принести вредъ еще многимъ другимъ.

Въ гражданскихъ искахъ также весьма замѣтно стремленіе судей рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію. Этимъ объясняется желаніе ихъ примирять тяжущихся, если этого требовали, по ихъ мнѣнію, интересы обѣихъ сторонъ. Вотъ весьма характерное въ этомъ отношеніи дѣло. Волоскій войтъ Петро сговорилъ сына своего за дочь Демьяна Масловича. Этотъ послѣдній отвѣтилъ его сватамъ: „Богиъ, правѣ, у помочь, я тому радъ, жебы пріятелемъ быти“; и сама невѣста, дочь его, „ку всемъ сватомъ подпосила по чарци горилки“. Дѣло происходило въ четвергъ. Но, когда „молодыкъ“ (женихъ) въ

назначенный срокъ (въ субботу) прибылъ съ поѣзжанами къ будущему тостю, тотъ не пустилъ его даже во дворъ. На судѣ онъ объяснилъ свой поступокъ навѣтами односельчанъ („люди розгудыли“). Но тутъ снова, по предложенію судей, отцы ударили по рукамъ и рѣшили въ субботу 16 февраля устроить вѣнчанье, а послѣ Пасхи „веселье“; въ случаѣ нарушенія этого условія виновникъ долженъ былъ уплатить 100 золотыхъ штрафу. Дѣло это вводитъ насъ прямо въ народную жизнь и знакомитъ съ ея бытовыми особенностями (веселье происходитъ много времени спустя послѣ вѣнчанья). Судьи, при разсмотрѣніи его, руководствовались, очевидно, не писаннымъ закономъ, а обычаемъ; формально Масловичъ былъ правъ: его нельзя было принудить выдать дочь замужъ за Петрова сына; но судьи вникли въ положеніе тяжущихся и посоветовали имъ помириться, что тѣ и исполнили. Въ одномъ случаѣ нѣкая Степаныха по безспорному документу (духовному завѣщанію) должна была получить половину грунта, но помирилась на $\frac{1}{3}$. Рѣшать дѣла миромъ привыкло само общество: часто ссоры, дошедшія до суда, оканчивались миромъ, при чемъ тяжущіеся назначали известную „заруку“, то-есть, штрафъ въ случаѣ повторенія обиды. Вообще мы видимъ со стороны суда не сухой формализмъ, а живой интересъ и желаніе добиться внутренней правды. Очень характерны въ этомъ отношеніи два дѣла объ охрѣтѣ имущества малолѣтнихъ. Вдова Пелагея Игнатиха была законною опекуной своихъ дѣтей. Но ее подпоили Семень Школьчинъ и Ониско Хоченко и купили за безцѣнокъ двѣ пожни, принадлежавшія ей сыну и дочери. Урядъ, принявъ во вниманіе легкомысліе Игнатихи, растратившей уже не мало состоянія, отдалъ дѣтей въ опеку и отстранилъ мать ихъ отъ распоряженія имуществомъ. Такія же охранительныя мѣры принялъ Стародубовскій магистратъ по челобитью жены мѣщанина Савы Леоновича. Этотъ послѣдній спился съ кругу и сталъ носить въ шинки домашній скарбъ. Магистратъ „видя же тотъ Савка пустился запаятале въ опilstво, варуетъ того пинейшимъ правомъ: же хто колвекъ 3 шинкаровъ и шинкарокъ мѣсныхъ давати метъ ему, Савцѣ, якій же колвекъ на вѣру напитокѣ, таковій жадною мѣрою, на жаднихъ его добрахъ, жаднаго иска мѣти не можетъ, лечъ свое трати метъ“. Такимъ образомъ въ сферу вѣдѣнія магистратскихъ судовъ входили и дѣла, касающіяся опеки надъ малолѣтними. Вообще мы думаемъ, что компетенція ихъ была очень широка и по изданнымъ доселѣ рѣшеніямъ она возстановляется не съ надлежащею полнотою. Мы съ своей

стороны дѣлаемъ первый опытъ ¹⁾ характеристики магистратскихъ судовъ (въ предѣлахъ Лѣвобережной Малороссіи) по ихъ рѣшеніямъ и, сознавая неполноту его, продолжаемъ собирать архивныя данныя, которыми воспользуемся для отдѣльнаго изданія своей книги; на нынѣшнія наши статьи нужно смотрѣть, какъ на предварительное сообщеніе ²⁾).

Д. Багалій.

---

¹⁾ Слѣдимъ оговориться. Намъ известна критическая замѣтка о Протокулѣ Стародубовскаго магистрата за 1690 г., принадлежащая перу известнаго юриста профессора *Лешкова* (*Москвитинъ*, 1853 г., книга 1-я, отд. V). Но авторъ, къ сожалѣнію, ограничился здѣсь только указаніемъ на то, что даютъ эти дѣла для характеристики правовъ мѣстнаго общества, и оставилъ „безъ разсмотрѣнія спеціальныя юридическія вопросы о томъ, какъ производились и рѣшались дѣла въ Стародубовскомъ магистратѣ въ концѣ XVII в.“.

²⁾ Вопросу о *судебн* городскаго самоуправленія и хозяйства посвящаются отдѣльныя главы.